

Михаэл ЖАНТОВСКИЙ

Михаэл Жантовский
Гавел

АНО "Политическая энциклопедия"

2014

УДК 929Гавел
ББК 66.3(4Чеш)8

Жантовский М.

Гавел / М. Жантовский — АНО "Политическая энциклопедия",
2014

ISBN 978-5-8243-2457-0

Книга о Вацлаве Гавеле принадлежит перу Михаэла Жантовского, несколько лет работавшего пресс-секретарем президента Чехии. Однако это не просто воспоминания о знаменитом человеке - Жантовский пишет о жизни Гавела, о его философских взглядах, литературном творчестве и душевных метаниях, о том, как он боролся и как одерживал победы или поражения. Автору удалось создать впечатляющий психологический портрет человека, во многом определявшего судьбу не только Чешской Республики, но и Европы на протяжении многих лет. Книга «Гавел» переведена на множество языков, теперь с ней может познакомиться и российский читатель. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929Гавел
ББК 66.3(4Чеш)8

ISBN 978-5-8243-2457-0

© Жантовский М., 2014
© АНО "Политическая
энциклопедия", 2014

Содержание

Предисловие к чешскому изданию	6
Пролог	7
18 декабря 2011 года, мрачный холодный день	12
Рожденный в неподходящее время	16
Портрет художника в юности	23
Серебряный ветер	28
Бравый солдат Гавел	34
Ольга	39
Ученик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаэл Жантовский

Гавел

Давиду, Эстер, Йонашу и Ребекке

Всю свою жизнь я думаю так: что произошло, остается навсегда, так что, в сущности, все имеет свое продолжение. Просто у бытия есть память. Поэтому и моя малость – ребенок из буржуазной семьи, лаборант, солдат, рабочий сцены, драматург, диссидент, заключенный, президент, публичный феномен и отшельник, мнимый герой и тайный трус – останется здесь навсегда. Или, быть может, не здесь, а где-то. Но не где-то в другом месте. Где-то тут.

Вацлав Гавел

© Argo, 2014

© Михаэл Жантовский, 2014

© Безрукова И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия»,
2021

Предисловие к чешскому изданию

Эта книга порождена скорбью и благодарностью. В декабре 2011 года несколько недель я не мог смириться со смертью Гавела. Через месяц я пришел к выводу, что должен по меньшей мере написать о нем книгу. Проведя много лет за границей, я осознал также, что хотя за пределами нашей родины Гавел и остается *концепцией* в кругах интеллектуалов и политиков, он уже не очень известен широкой общественности (особенно младшему поколению) спустя более двадцати лет, прошедших с 1989 года. Существующие публикации о нем на английском и других языках или фрагментарны, или неточны, или и то, и другое. Конечно, я не думал, что одна книга изменит положение дел или что мне самому наверняка удастся избежать неточности, но мной двигала мысль, что, написав ее, я смогу хотя бы в малой степени оплатить долг, который я чувствую за собой по отношению к Гавелу.

Я привожу здесь эти доводы для того, чтобы немного объяснить чешскому читателю, почему я местами чересчур детально освещаю чешские реалии, которые ему хорошо знакомы, и наоборот, почему в других случаях не углубляюсь в подробности некоторых наших знаменитых внутренних споров и стычек, которые, вероятно, будут не слишком интересны другим. Многим читателям будет не хватать более широкого фона тех или иных событий и движений, например, связанных с «Хартией-77» и демократической оппозицией, или полной панорамы политической и партийной жизни в послереволюционной Чехословакии и Чешской Республике. Биография любого человека всегда информирует в первую очередь о нем самом, но это не значит, что другие личности и обстоятельства не играли в ходе событий данной эпохи столь же важную, а в какие-то моменты и более важную роль. Эта болезненная дилемма не имеет простого решения. И без того объем книги оказался почти в полтора раза больше, чем первоначально предполагалось.

Чешское издание представляет собой – более чем на 90 % – не оригинальный текст, а перевод с английского, который, правда, сделал я сам. И хотя значительную часть своей жизни я занимался переводами, это первый случай, когда мне пришлось переводить самого себя. После этого опыта я пришел к выводу, который, может быть, окажется полезен также иным авторам-переводчикам: гораздо лучше переводить других.

Заканчивая работу над английским и чешским текстами, я также понял, как кардинально изменился в последнее десятилетие характер литературной и книгоиздательской продукции. Текст я дописал в ноябре 2013-го, перечитал в конце того же года, в марте вносил в него правку в сотрудничестве с редакторами и еще корректировал в конце мая 2014-го. Окончательный вариант чешского текста был готов в августе. Все это время я с ужасом обнаруживал, что постоянно появляются все новые факты и материалы, которые дополняют или изменяют взгляд на те или иные эпизоды и события в жизни Гавела. Некоторые из них я успел, пусть коротко, упомянуть в тексте, но в конце концов смирился, придя к заключению, что в эпоху Интернета и электронных СМИ понятие «окончательный текст» не существует и существовать не может. Поэтому я прошу читателя снисходительно принять хотя бы то, что у меня получилось.

Пролог

Прежде чем очередная рошча падет жертвой чьего-либо желания написать книгу, ее будущему автору следует хотя бы мысленно задать себе три вопроса и попытаться на них ответить. Интересует ли эта тема еще кого-то, кроме него самого? Написано ли уже на эту тему что-то другое, что могло бы удовлетворить такой интерес? И тот ли он человек, которому стоит браться за эту тему?

Вацлав Гавел принадлежал к числу наиболее примечательных политиков прошлого столетия. Рассуждая о Гавеле, прошедшем уникальный жизненный путь – ребенок известных родителей, изгой, мировая знаменитость, – трудно избежать разного рода упрощений. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что он сыграл важнейшую роль в деле ликвидации одной из самых соблазнительных утопий всех времен и стоял во главе одного из самых драматических общественных преобразований в современной чешской и европейской истории.

Неожиданному, почти сказочному превращению Гавела в главу государства удивлялись многие, включая его самого, но на самом деле в этом не было ничего чудесного или случайного. Автор данной книги постарается показать, что стремление исцелять мир присутствовало в жизни Гавела еще с тех пор, как в десятилетнем возрасте он придумал фабрику по производству добра. Благодаря исключительному чувству ответственности, побуждавшему его отстаивать свои взгляды перед лицом любых испытаний, и его не слишком заметной, но тем более действенной самодисциплине и упорству при решении стоящих перед ним задач, он в ноябре 1989 года оказался не только самым логичным, но и единственно возможным претендентом на роль лидера революции.

Личность Гавела, однако, неверно сводить лишь к образу диссидента или политика. Он был также незаурядным мыслителем и стремился последовательно применять результаты своих размышлений и лежащие в их основе этические принципы в политической практике. Можно с сомнением относиться к оценке Гавела как оригинального мыслителя мирового масштаба. Как бы он ни был начитан, ему недоставало регулярного образования, широты эрудиции и систематического самоотречения истинного ученого. Да он и сам иной раз напоминал читателям и слушателям об этих своих недостатках. Нравственная философия Гавела укладывается в три принципа, неразрывно связанные с его именем. Первый – это «сила бессильных», давший заглавие наиболее известному из его эссе; своей простотой он производит впечатление чуть ли не слогана. Казалось бы, этот эффектный лозунг трудно применить к большинству ситуаций повседневной жизни, где сильные всецело оправдывают такую свою характеристику. Парадоксальным образом этот принцип оказывается еще менее применимым в ситуации, когда бессильные вдруг встают у руля власти. И все же эта идея наложила неизгладимый отпечаток на революцию – одну из немногих в истории, не потребовавшую человеческих жертв. Второй принцип, «жизнь в правде», звучит почти мессиански, заставляя подозревать его автора в прожектерстве, лицемерии и дешевом популизме. К тому же, если следовать привычной трактовке слова «правда», приходится признать, что Гавел иногда сам изменял собственному учению. Однако вряд ли можно упрекнуть его в нехватке решимости руководствоваться этим принципом со всей искренностью, на какую он был способен. Триаду замыкает принцип «ответственности», источником которой является «память бытия». Все остальное, как говорится, только комментарий.

Гавел не оставил после себя ни обобщающих трудов, ни стройной философской системы. В ряде своих метафизических размышлений, относящихся в основном к периоду его президентства, он опасно заигрывает с идеями популярной философии Нью-эйдж. Однако в целом мышление Гавела отличается кристальной нравственной ясностью и последовательностью.

Гавел был не только диссидентом, политиком и мыслителем, но еще и блестящим писателем, остроумным и оригинальным. Своим успехом на этом поприще он не был обязан ни общественному признанию, ни достижениям в сфере политики. Как драматург он прославился задолго до того, как стал самым известным чехословацким узником совести, а тем более президентом. Напротив, можно сказать, что литературная ипостась Гавела страдала от его общественной деятельности. Вершиной его творчества принято считать произведения середины шестидесятых годов – пьесы «Праздник в саду» (1964) и «Уведомление» (1965). Хотя коммунистические комиссары от культуры всегда относились к нему в лучшем случае настороженно, в этот период он пользовался значительной творческой свободой и реализовал немало шансов. Красноречивым напоминанием об авторском потенциале Гавела была его последняя пьеса «Уход» (2008), которую он начал писать еще до избрания его президентом, а закончил уже после выхода в отставку. Семидесятые и восьмидесятые годы ознаменовались появлением нескольких маленьких жемчужин: одноактных пьес «Аудиенция» и «Вернисаж» (обе 1975), впечатляющей нравственной драмы «Искушение» (1985), примечательных пьес «Опера нищих» (1972) и *Largo Desolato* (1984), а также менее успешных опытов «Заговорщики» (1971) и «Гостиница в горах» (1976). Об уникальной способности Гавела к самоанализу и его всепоглощающем юморе свидетельствуют обе его автобиографии – «Заочный допрос» (1986) и «Пожалуйста, коротко» (2006), – написанные в форме интервью с Карелом Гвиждялой. К периоду президентства относятся «Летние размышления» (1991), задуманные как своего рода политический манифест, а также десятки речей и выступлений. Гавел неизменно писал их сам, но хотя они как небо и земля отличаются от привычных образцов политической риторики, сам этот жанр, безусловно, не позволял глубоко раскрыть тему или добиться художественной цельности. Тексты Гавела диссидентской поры, в том числе некоторые из его наиболее памятных эссе, как и необычная эпистолярная подборка «Письма Ольге» (1983), представляют собой сплав беллетристической прозы, философских размышлений и политической полемики. Их достоинства были особенно заметны в контексте периода, когда они писались; тем не менее некоторые из них, несомненно, выдержали испытание временем и новыми обстоятельствами.

И, наконец, существовал еще Гавел-человек, авторитет которого был таким же исключительным, как и его жизнь. Уже с юных лет он был лидером, формулировал программу, шел впереди и указывал путь. Он не был одержим собой, как это случается с идеологами; напротив, его отличали скромность, доброжелательность и такая неукоснительная, а порой и неуместная вежливость, что Гавел сам вышучивал ее в некоторых своих пьесах. Эти черты дополнялись у него всепроникающим чувством юмора, доходящего даже до абсурда, как правило, добродушного, порой едкого, но ни в коем случае не жестокого. Он ценил общество, становился душой любой компании, легко заводил друзей и щедро воздавал за дружбу. A lovely man, как сказали бы англичане.

Но существовал и другой Гавел, «тайный трус»¹, подавленный, больной, злящийся из-за своей беспомощности, склонный к алкоголю, лекарствам, хворям, а иной раз и к безрассудным любовным приключениям. Он не испытывал недостатка уверенности в себе в ноябре 1989 года, готовый во главе миллионов лицом к лицу противостоять возможному введению танков, окруживших Прагу, но как президент со всеми атрибутами власти он постоянно сомневался, что эта ноша ему по силам. По его собственному признанию, он стал подозрителен сам себе. Стараясь «жить в правде», он прилагал к себе – но не к остальным – это невероятно строгое мерило и крайне редко соответствовал собственным требованиям. «Человек сомневающийся» – как, впрочем, и все мы.

Для того чтобы объяснить и понять исключительную и неизменную популярность и значимость Гавела, следует оценить не только конкретные области его поразительно плодотвор-

¹ Prosím stručně // Spisy. Sv. 8. S. 674.

ной деятельности и изучить отдельные стороны его многогранной личности, но также выяснить, каким образом эти разрозненные элементы соединялись, усиливая друг друга, в спаянное и устойчивое, хотя и парадоксальное целое, которое не равнялось простой сумме слагаемых. Гавел действительно был таким, каким казался на первый взгляд: естественным, настоящим, подлинным в той мере, какая может только сниться большей части людей и какой тщетно пытаются достичь большинство политиков. Даже его ошибки были настоящими – не чета странностям каких-нибудь медийных карикатур, слывущих знаменитостями.

На чешском, английском и других языках существует целый ряд биографических книг о Гавеле, написанных с самых разных углов и точек зрения². Все они представляют собой интересные опыты приближения читателю тех или иных сторон его жизни, деятельности и личности. Однако почти все они возникли при жизни Гавела и уже поэтому в самом тривиальном смысле неполны. К тому же их создатели концентрируются на отдельных аспектах «мифа о Гавеле», будь то уготованная ему судьба изгоя и бунтаря, его двойственное отношение к политике вообще и к своему президентству в частности, его нравственная философия, литературное творчество или беспорядочный образ жизни. При этом, отдавая себе отчет в том, что окончательную биографию кого бы то ни было написать невозможно, автор данной книги сознает, что и ей суждено стать лишь одним из источников для познания настоящего Вацлава Гавела.

И напоследок – почему именно я?³ Хотя я и был близок к Вацлаву Гавелу, вместе с тем не могу сказать, что стоял к нему ближе других или знал его дольше всех. Две трети его жизни я был наслышан о нем, но знал лично только в течение последней трети. Значительную часть этого времени мы общались очень тесно, но из-за капризов истории, которую он помогал создавать, и обязательств, какие это налагало на нас обоих, случалось, что мы подолгу не виделись. В разные периоды находились другие, которые оказывались так же близко к нему и даже ближе, чем я. Одной из загадок Гавела, на которую эта книга лишь отчасти может пролить свет, остается вопрос, кто был ему ближе всех. Кроме обеих его жен, брата Ивана и, может быть, Зденека Урбанека, который осциллировал между гавеловскими alter ego и super ego, был еще целый ряд близких ему людей, но ни один из них не мог утверждать, что именно он – ближайший друг Гавела: остальные не согласились бы с такой оценкой. В Гавеле – наряду с теплотой и дружелюбием – была и некоторая отстраненность, какое-то неприступное внутреннее ядро, к которому можно было приблизиться, иногда чуть ли не дотронуться, но не проникнуть внутрь.

Этот факт объясняет и некоторую асимметрию личных отношений Гавела, включая отношения между нами. Как бы ни были важны для него те или иные люди в разные периоды его жизни, всегда оставалось ощущение, что они нуждались в нем больше, чем он в них. Насколько я могу судить, с его стороны это не было обусловлено сознательным стремлением к превосходству или желанием возвысить себя над остальными. Наоборот, с друзьями он был преувеличенно скромным, ироничен по отношению к себе и даже на вид покладист, но тем не менее каким-то загадочным образом доминировал. В этом, по моему мнению, и заключалась тайна его уникального и эффективного лидерского стиля, к чему я еще вернусь в другом месте.

² Наиболее интересны, с моей точки зрения, следующие из них: «Acts of courage: Václav Havel's Life in the Theater» Кэрол Рокаморы; «Вацлав Гавел. Духовный портрет в контексте чешской культуры XX века» (Václav Havel. Duchovní portrét v rámu české kultury 20. století) Мартина Ц. Путны и «Политика как драма абсурда: Вацлав Гавел в 1975–1989 годах» (Politika jako absurdní drama: Václav Havel v letech 1975–1989) авторства Иржи Сука. Первая, к сожалению, только на английском языке. Ввиду множества приводимых деталей и любопытных наблюдений заслуживают прочтения и три обобщающие, хотя и неполные биографии: «Вацлав Гавел: Жизнь» (Václav Havel: Život) Эды Крисеовой, англоязычная «Václav Havel: A Political Tragedy in Six Acts» Джона Кина и «Диссидент: Вацлав Гавел 1936–1989» (Disident: Václav Havel 1936–1989) Даниэла Кайзера. Автор с благодарностью использовал все названные работы.

³ В мои намерения не входило рассказывать о Гавеле и о себе самом. Если у меня когда-либо возникнет ощущение, что на эту тему стоило бы что-то опубликовать, я напишу другую книгу. В этой же, в тех нескольких местах, где мое присутствие или мое отношение к Гавелу существенны для повествования, я попытаюсь вкратце обозначить это в самом тексте или в постраничных примечаниях.

Как бы то ни было, можно не сомневаться, что вместе нам было неплохо и что мы вдвоем пережили немало и веселых, и грустных минут, пропустили сколько-то рюмок и поделились рассказами о кое-каких невероятных приключениях и в то время, когда он еще не был президентом, а потом стал им, и после того, как он покинул этот пост. Но пик моей разделенной с ним славы пришелся не на тот момент, когда мы «совместно» выступали на заседании обеих палат американского Конгресса, или когда он представил меня британской королеве, а на 17 мая 1989 года, день, когда он, вынырнув из боковых дверей тюрьмы на Панкраце, где отбывал свое последнее наказание, разрешил мне отнести его пакет с вещами домой.

В течение первых двух из четырех его президентских сроков я проводил с Вацлавом Гавелом, вероятно, больше времени, чем кто-либо другой, включая его жену. Дело было не столько в важности моей персоны, сколько в характере моей работы: как пресс-секретарь я должен был участвовать во всех его зарубежных поездках, во всех бесплодных заседаниях, в каждом незначительном событии, чтобы затем сообщить о них средствам массовой информации вместо президента, которому внимание СМИ было не очень по душе.

Я безмерно восхищался его идеями, его неизменной доброжелательностью, его подлинностью и мужеством. Это не означало, что я был с ним во всем согласен, шла ли речь о практических решениях, которые ему приходилось принимать как президенту, или о философии, которой они диктовались. В мои обязанности входило также выступать в качестве *advocatus diaboli* и настаивать на том, чтобы какие-то вещи делались иначе или чтобы вместо них делалось что-то другое, а некоторые вещи не делались вовсе. Иногда, хотя и не слишком часто, мне удавалось его убедить, что привело к назначению меня еще и политическим координатором канцелярии президента. Это было довольно сомнительное продвижение по службе, так как за ним не стояли какие-либо конкретные полномочия, а пietet к самой этой новой должности нельзя было внушить людям из команды, состоявшей сплошь из друзей.

Со временем наши разногласия усилились – не в том, что касалось наших целей, видения мира и нашей роли в нем, а в плане практического осуществления им функций президента. Прав я был или нет, но мне казалось, что чем дальше, тем труднее ему будет влиять на ход политического и социального развития страны, если он не организует значительное число своих сторонников и поклонников в действенную политическую силу или не даст им возможность самоорганизоваться. Гавел принял этот довод к сведению и с анализом ситуации был в принципе согласен, но в итоге предпочел нести издержки продолжения своей деятельности без организованной политической силы, не вступая на путь партийной политики. Это, в свою очередь, пришлось принять к сведению и мне, и это была одна из главных причин, почему в конце второго президентского срока Гавела я ушел из канцелярии президента, хотя он желал, чтобы я остался. Весной 1992 года за бокалом вина Гавел великодушно объявил, что понимает, почему я хочу уйти, и всем своим авторитетом поддержал мой следующий карьерный шаг: назначение на должность посла в Вашингтоне, в другой части света. Несмотря на разделявшее нас расстояние, он не изменил дружеского расположения ко мне и щедро делился своим временем всегда, когда для этого предоставлялась возможность.

Мое отношение к Гавелу лучше всего можно охарактеризовать словом, которое я употребляю здесь лишь скрепя сердце. Но если «любить» значит не только с теплотой относиться к другому человеку и радоваться общению с ним, но и заботиться о нем, тревожиться за него, мысленно быть с ним рядом даже на значительном расстоянии и в течение длительного времени нуждаться в его одобрении и в том, чтобы он отвечал на дружбу взаимностью, то это была любовь. Думаю, я был не единственным человеком в ближайшем окружении Гавела, кто мог бы описать свое отношение к нему аналогичным образом. В этом и заключалась связь, которая держала нас вместе и позволила выстоять в те сумасшедшие первые недели и месяцы демократических перемен в Чехословакии.

Любовь к герою своего рассказа не обязательно является лучшим условием его написания: она таит в себе опасность подхалимства, утраты здравого смысла и искажения действительности. Хотя я не уверен, что моя попытка избежать этих подводных камней окажется успешной, в этом мне по крайней мере может помочь моя первоначальная профессия клинического психолога. Одну из ее не слишком радостных, но необходимых сторон представляет собой «клинический взгляд», то есть способность наблюдать за поведением других людей (включая самых близких), которые борются, побеждают, проигрывают, страдают и умирают, и все это время вести беспристрастные записи. Результат я выношу на суд читателей.

18 декабря 2011 года, мрачный холодный день

*Он растворился в холоде зимы: ручей замерз, аэропорты
пустовали, снег сильно повлиял на вид знакомых статуй, и градусник
тонул во рту истекающих суток. День этой смерти был, согласно
показаньям приборов, мрачным и холодным днем.*

Уистен Хью Оден. Памяти Йейтса
(перевод И. Бродского)

Прага просыпалась морозным утром в последнее воскресенье перед рождественскими праздниками. В головах у людей только и было, что предстоящее заворачивание рождественских подарков и, может быть, еще надежда немного отдохнуть. Прошедший год был не из самых счастливых. Хотя Чешская Республика переживала европейский долговой кризис не так тяжело, как большинство других стран, экономический рост остановился, и начинал сказываться режим экономии.

Распространившееся вначале в социальных сетях, а затем и в ведущих средствах массовой информации сообщение о смерти Гавела было воспринято как гром среди ясного неба – при том что особых причин для удивления не существовало. Весь народ знал, что экс-президент болен, и его друзьям еще с весны было известно, насколько серьезно его состояние. Это было не просто обострение какой-то болезни, а прогрессирующий общий износ организма в результате внезапной утраты воли и боевого духа, присущих ему в течение большей части его жизни.

Если общество не так уж регулярно интересовалось состоянием Гавела и у его загородного дома не караулили репортеры, ожидая его кончины, то это, возможно, объяснялось тем, что экс-президент многим представлялся человеком прошлого, которому уже нечего сказать в связи с актуальными событиями и проблемами. Благодаря его недавним на тот момент начинаниям в художественной сфере некоторое внимание ему уделяли ведущие культурных и литературных обзоров; иногда имя Гавела мелькало рядом с фамилией жены в разделах новостей, пишущих о знаменитостях. Дом в Градечке, где он провел последние месяцы, находился в 140 километрах от Праги. К нему вела плохая проселочная дорога, и во всей округе не было приличного жилья или заведения общественного питания. Ищейкам-репортерам скорее всего казалось, что поездка туда не стоила бы таких жертв.

Премьер Нечас, который как раз выступал в передаче «Вопросы Вацлава Моравца»,отреагировал на новость первым: «Его уход – большая потеря», – сказал он с почтением. Но пока еще ничто не предвещало большего, нежели пара дней подобающего траура по исторической личности.

Вскоре после полудня люди начали приносить в Град цветы и свечи, оставляя их зажженными у наружной стены. Цветы и свечи появились и у дома в Градечке. Какая-то добрая душа принесла две бутылки пива из трутновской пивоварни, вдохновившей Гавела на создание пьесы «Аудиенция».

В два часа пополудни выступил преемник Гавела. «Вацлав Гавел стал символом современного чешского государства»⁴, – заявил Вацлав Клаус. Никто не ожидал, что в такую минуту он поведет себя невеликодушно, но все равно в этом панегирике человека, который выказывал несогласие с Гавелом в стольких повседневных моментах чешской политики, было что-то знаменательное.

---

⁴ Prohlášení prezidenta republiky k úmrtí prezidenta Václava Havla, 18. prosince 2011 // <http://www.klaus.cz/clanky/3000>

У статуи святого Вацлава, где проходили демонстрации 1989 года, начали собираться люди – и так же, как тогда, в ноябре, звенели ключами. Шествие двинулось к реке по тому же маршруту, что и памятная студенческая манифестация 17 ноября, только в противоположном направлении. Люди останавливались у мемориальной доски на Национальном проспекте, напоминающей об этой дате чешской истории. Некоторые оставляли под ней пачки сигарет.

Случаи публичного выражения скорби были редки. Никто не рвал на себе одежды и не бился в припадке истерии. Когда два с половиной месяца спустя сэр Том Стоппард, отдавая дань уважения Гавелу, процитировал хвалебные строки британского историка Джона Мотли о Вильгельме Оранском «Пока жил, он был путеводной звездой всего храброго народа, а когда умер, плакали и малые дети на улицах»⁵, он сам признал, что это – «сентиментальное преувеличение»⁶. Тон общего переживания задавали скорее воспоминания, и да, он был торжественным. Аналогичные акции проходили и в других – малых и более крупных – городах.

Трудно было удержаться от сравнения с иным проявлением скорби на другом конце света. Днем раньше умер Ким Чен Ир, Любимый Вождь Северной Кореи. К нему как нельзя более подходили строки того же Мотли в переложении Одена: «Когда он смеялся, от смеха сенат заходился, / А когда плакал, умирали на улицах малые дети»⁷. Центральное телеграфное агентство Северной Кореи распространяло фотографии огромных толп людей, плачущих в едином порыве. Многие из 200 000 политзаключенных в этой стране, без сомнения, тоже пролили слезы, но – слезы радости. Был объявлен двенадцатидневный государственный траур, в течение которого запрещались любая музыка и все увеселения. В то же самое время в Праге Ассоциация владельцев казино заявила, что никакой закон не требует отмены азартных игр на период государственного траура, и лишь рекомендовала своим членам ограничить их деятельность в эти дни⁸. Под этим, видимо, подразумевалась необходимость снизить ставки.

Соболезнования стали поступать и из-за границы: как официальные, от глав государств и правительств, так и личные – от бывших диссидентов и писателей. «Вацлав Гавел был одним из первых, кто начал говорить собственным голосом, и это были слова человека, преданного правде и свободе», написал его друг и соратник Адам Михник⁹. Российское государственное телевидение выступило со своим некрологом: «Гавел был главным двигателем процесса демократизации и вместе с тем ликвидатором развитой чешской оружейной промышленности, что стало одной из причин распада Чехословакии»¹⁰. Поистине взвешенная оценка – словно из «Праздника в саду». Представитель Ассоциации чешских туристических агентств попытался взглянуть на вещи с положительной стороны. «Такого, чтобы Чешская Республика была настолько заметна во всем мире, уже долго не случалось, – сказал Томио Окамура, который спустя несколько недель выдвинул собственную кандидатуру на пост президента. – Зимой люди решают, где провести отпуск в главный туристический сезон, и, как ни печально это звучит, смерть Гавела послужит для Чехии хорошей рекламой»¹¹.

В понедельник вдова Гавела Дагмар распорядилась перевезти его тело в простом гробу в Прагу и выставить в «Пражском перекрестке» – бывшем готическом храме, который, по инициативе Гавела и ее, восстановили и превратили в культурный центр и место международных встреч. Следующие двое суток, даже по ночам, люди стояли в очереди, чтобы отдать дань памяти покойному. В Чехии был объявлен государственный траур. Правительство Словац-

⁵ Motley J.L. The Rise of the Dutch Republic. Vol. III. New York: Harper & Brothers, 1858. P. 267.

⁶ Pamětní večer na počest Václava Havla, Royal Institute of British Architects, 1.03.2012.

⁷ Epitaf za tyra. 1949.

⁸ «Václav Havel zemřel 18. prosince 2011» 19. prosince 2011. S. 17 // www.lidovky.cz

⁹ Ibid. S. 27.

¹⁰ Ibid. S. 26.

¹¹ Ibid. S. 21.

кой Республики – страны, которая одно время демонстрировала не слишком благожелательное отношение к Гавелу, – сделало то же.

В среду траурные церемонии организовывало государство. Гроб в сопровождении тысяч людей пересек Влтаву и проследовал наверх, в Град. В казармах караула Града его установили на лафет, который использовался для той же цели во время похорон первого чехословацкого президента Томаша Гаррига Масарика, и перевезли во Владиславский зал, где проводились королевские коронации и где Гавел впервые был избран президентом. Действующий президент Вацлав Клаус вновь оказался на высоте: «С его именем навсегда останутся связанными наша “Бархатная революция” и эпоха восстановления свободы и демократии, – сказал он. – Как ни у кого иного, велик его вклад в укрепление международного положения, престижа и авторитета Чешской Республики в мире. Писатель и драматург, он верил в способность слова изменить мир»¹².

Пятница 23 декабря была к тому же последним рабочим днем перед Рождеством. Несмотря на трудности с графиком из-за приближающихся праздников, с утра в пражском аэропорту Рузине¹³ приземлялись один за другим правительственные самолеты. В казавшейся бесконечной череде лимузинов их пассажиры, восемнадцать глав государств и правительств, в том числе президент Саркози и премьер Кэмерон, Хиллари и Билл Клинтон, Мадлен Олбрайт, Лех Валенса, Джон Мейджор и иорданский принц Хасан, ехали в кафедральный собор святого Вита, чтобы присоединиться к двум тысячам представителей чешского правительства и общественных деятелей, друзей и членов семьи Гавела.

Тем временем я разрывался между потребностью горевать по другу так, чтобы мне никто не мешал, и своими обязанностями посла при дворе святого Иакова, которые требовали от меня стоять на летном поле, встречая нынешнего и бывшего премьер-министров Великобритании. Я понимал, что в собор на церемонию мне ни за что не попасть, так как самолет опоздал, и колонна автомобилей отправилась туда прямо с летного поля, тогда как моя машина была запаркована в полукилометре от аэропорта. Если бы я решил поехать на ней без полицейского эскорта, выделенного автоколонне, церемония закончилась бы раньше, чем я прошел проверку безопасности. Женщина-офицер, которая была начальницей охраны, холодно отклонила мою просьбу разрешить мне примкнуть к колонне. Пытаясь представить себе, что сделал бы в подобном случае Гавел, я запрыгнул в тронувшийся с места лимузин Шон Маклеод, моей британской коллеги в Праге, прежде чем начальница охраны успела сказать что-либо себе в рукав. С первыми звуками траурной музыки я опустился на стул в соборе.

Как первое избрание Гавела (верующего человека, не принадлежащего к какой-либо конфессии) президентом сопровождала торжественная месса *Te Deum*, так и теперь за упокой его души служили католическую мессу под звуки Реквиема Дворжака. Йозеф Абрам, исполнявший роль начальника канцелярии Ригера в фильме «Уход», произнес слова *Dies Irae*¹⁴, которые точно передавали образ мыслей самого Гавела:

«О, каков будет трепет, когда придет Судия, который все строго рассудит! Трубы чудесный звук разнесется по могилам всех стран, созывая всех к престолу. Смерти не будет, застынет природа, когда восстанет вся тварь, дабы держать ответ перед Судящим. Будет вынесена написанная книга, в которой содержится все, и по ней мир будет судим».

Гавел умер не как верующий католик и перед смертью не причастился, но заупокойная месса, которую служил его товарищ по тюремному заключению кардинал Дука, как и предшествовавшее ей действо, ему – ценителю театрального действия и церемоний – были бы по душе.

¹² Projev prezidenta republiky na smutečním shromáždění k uctění památky prezidenta Václava Havla, 21.12.2011// http://www.klaus.cz/clanky/3004.havel_556.indd 23 25.8.2014 8:11:01

¹³ В 2012 г. международный аэропорт Праги Рузине был переименован в Пражский аэропорт имени Вацлава Гавела. – Прим. ред.

¹⁴ *Dies irae* (лат. «День гнева», т. е. день Страшного суда) – секвенция в католической мессе. – Прим. ред.

С некоторым смущением он радовался бы и похвалам друзей, Мадлен Олбрайт, епископа Вацлава Малого и Карела Шварценберга.

Третью речь произнес президент Вацлав Клаус – на сей раз о духовном наследии Гавела, выражающемся в его убеждениях и высказываниях: «свобода – это та ценность, ради которой стоит приносить жертвы»; «свободу легко потерять, если мы недостаточно ее отстаиваем»; «человеческое существование имеет трансцендентальное измерение, с сознанием которого мы должны жить»; «свобода есть универсальный принцип, и если где-либо ее у кого-либо отнимают, это угрожает и нашей свободе»; «слово обладает исключительной силой, оно может и убить, и излечить, может навредить и помочь и способно изменить мир»; «надо говорить и неприятную правду» и «мнение меньшинства не обязательно неправильное»¹⁵. В тот день было сказано немало хвалебных слов, но эти, может быть, значили больше любых прочих – именно потому, что прозвучали они из уст президента Вацлава Клауса.

Пока главы государств и зарубежные официальные лица принимали участие в приеме, который устроил чешский президент, родные и друзья ехали через весь город в траурный зал Страшницкого крематория на последнее прощание с покойным. Выступления здесь, в отличие от речей в кафедральном соборе, были многочисленные, импровизированные и неизменно от души, хотя и не все такие, что их хотелось бы запомнить. Некоторые из ближайших друзей не произнесли ни слова. Для собравшихся это была возможность не только проститься с тем, кто их покинул, но и разделить свою печаль с остальными и поприветствовать друг друга. Потом занавес опустился.

Но за этим последовало третье действие – музыкальный вечер в «Люцерне» с выступлениями в честь Гавела-интеллектуала – выходца из богемы, любителя рок-н-ролла и вождя индейского племени, коим он был провозглашен несколько лет тому назад на рок-фестивале под открытым небом в Трутнове. Последними выступили Plastic People of the Universe.

Это была незабываемая неделя скорби о великой утрате и праздника по случаю великого открытия – или, точнее, второго рождения. Люди выходили из «клеток самих себя»¹⁶, на какое-то время забывая о надвигающейся зиме, тысяче неперемненных атрибутов Рождества в семейном кругу и о неясном будущем. Объединенные ритуалом почтительного траура, они были приветливы с соотечественниками и благожелательно говорили о своих врагах. В этой странной смеси печали с радостью перевешивала как будто все же радость от встречи с великим. Это слово не понравилось бы Гавелу. Происходящее привело бы его в замешательство, и его реакцией было бы скромное чувство удовольствия, смешанное с мягкой иронией и восхищенным изумлением народом, о котором сам Гавел когда-то сказал, что он способен демонстрировать невероятное достоинство, солидарность и мужество, хотя и всего пару недель раз в двадцать лет.

¹⁵ Projev prezidenta České republiky během pohřební bohoslužby ve Svatovítské katedrále, 23. prosince 2011 // http://www.klaus.cz/clanky/3006.havel_556.indd 24 25.8.2014 8:11:02

¹⁶ «Всяк в клетке самого себя» («And each in the cell of himself is almost convinced of his freedom») – цитата из стихотворения У.Х. Одена «Памяти Йейтса» в переводе И. Бродского.

Рожденный в неподходящее время

*Он никогда не был одинок
Ему никогда не лгали
Ему не приходилось драться в страхе.
Пол Саймон. Рожденный в подходящее время*

В мифах что-то есть... При ретроспективном взгляде кажется вовсе не случайным, что первенец состоятельной пражской семьи, которая словно воплощала в миниатюре достижения вновь обретшего независимость народа со стародавней историей, был наречен в честь национального чешского святого. Точно так же не кажется случайностью то, что по праву первородства и благодаря своему имени он стал наследником династии. Как преемниками святого Вацлава были три его тезки-короля, так и предприимчивый сын мельника, в свободное время увлекавшийся спиритизмом, Вацлав Гавел дал своему сыну имени Вацлав Мария, а тот 5 октября 1936 года назвал тем же именем своего сына, будущего президента. Но на этом мифы не кончаются, поскольку легендарный образ исторического святого Вацлава находит прямое соответствие в легендах о короле Артуре, причем, вероятно, имеет с ними общие корни. Недалеко от Праги находится гора Бланик, по-видимому, родственница холмов с кельтскими по происхождению названиями Планиг в Рейнской области, Бланьи близ Дижона и Блиньи в окрестностях Парижа. По преданию, в недрах этой горы спят чешские рыцари в ожидании того времени, когда чешскому народу будет совсем плохо, чтобы во главе со святым Вацлавом прийти ему на помощь. Тот, кто в третий раз на протяжении трех поколений использовал это имя, должно быть, высоко метил.

Для подобного честолюбия у него, впрочем, имелись основания. Начав со скромного проекта устройства канализации в городе Ломнице-над-Попелкоу, Вацлав Гавел-старший в итоге создал крупное предприятие, занимавшееся строительством и недвижимостью, одним из объектов которой был помпезный доходный дом на берегу Влтавы, где он жил со своей семьей. Однако высшим его достижением стал огромный торгово-развлекательный комплекс близ площади, которая как нельзя более кстати именовалась Вацлавской. Тогда это первое железобетонное здание с магазинами, ресторанами, танцевальным залом, кинотеатром, музыкальным клубом и офисными помещениями слыло дворцом; в наши дни его скорее всего назвали бы «центром». Прага не так велика, как Нью-Йорк или Лондон, но это и не маленький город, поэтому регулярность, с какой эти места и символы вновь и вновь появлялись в жизни Вацлава Гавела, примечательна.

Сыновья Вацлава тоже были не из лентяев. Вацлав Мария пошел по стопам отца и развивал дело, связанное со строительством и недвижимостью, хотя и потерпел серьезные убытки во время большого кризиса в начале тридцатых годов. Воодушевившись в молодости поездкой в Калифорнию, он развернул строительство фешенебельного района вилл на Баррандовской возвышенности над Влтавой. Он обратился к лучшим из современных архитекторов, чтобы те спроектировали в Баррандове дома в соответствии с принципами функционализма, которые можно было с первого взгляда отличить от типичных пражских домов с двускатными крышами, и присовокупил к ним ресторан с баром в американском стиле – вольное подражание Клифф-Хаусу в Сан-Франциско¹⁷.

Второго сына Вацлава, Милоша, тоже вдохновляла Калифорния – правда, скорее ее «фабрика грез», чем проекты застройщиков. На свободном земельном участке рядом с райо-

---

¹⁷ В апреле 1969 г. Иван Гавел, обучавшийся тогда в докторантуре университета Беркли, послал отцу открытку, на которой были изображены Клифф-Хаус и соседние Тюленьи скалы, с текстом: «Морские котики – настоящие. Я их видел и слышал, как они лают». А сбоку он приписал: «Изнутри это еще больше напоминает Баррандов» // Archiv Ivana M. Havla. KVN ID 18301.

ном вилл он основал крупнейшую на европейском континенте киностудию, став тем самым одним из создателей чешской киноиндустрии. Сходство с голливудскими холмами казалось настолько разительным, что чуть ли не ожидаемой была здесь большая, издали заметная надпись под вершиной. И действительно, еще в 1884 году пражскую скалу украсила пятиметровая стальная мемориальная доска с фамилией Барранд – так звали французского палеонтолога, который проводил здесь исследования. Этот знак опережает голливудский на сорок лет.

Оба брата походили друг на друга, но каждый был в своем роде. Вацлав Мария – серьезный, практичный отец семейства, воплощение буржуазных добродетелей (включая и одну или двух любовниц, которых он втайне содержал на стороне). В делах коммерции им двигала не «капиталистическая жажда наживы <...>, а чистая предприимчивость – стремление что-то создавать»¹⁸. Один из столпов общества, он был членом Ротари-клуба, «вольным каменщиком» и входил еще в целый ряд других клубов и обществ. Будучи просвещенным патриотом, он и сыновей своих воспитывал «в идейной атмосфере масариковского гуманизма»¹⁹, имел связи в политических кругах, хотя сам не занимался политической деятельностью, ценил культуру, дружил с видными чешскими писателями и журналистами, собрал большую библиотеку. Он был хорошим мужем и «замечательным, добрым отцом»²⁰. Судя по тому, как он обращался с подчиненными, а в еще большей степени – по тому, с каким тихим достоинством он переносил превратности судьбы и свою изоляцию в обществе в последние тридцать лет жизни, это был также глубоко порядочный и скромный человек.

Киномагнат Милош, напротив, являл собой божественную личность с гомосексуальной ориентацией. Он вел роскошную жизнь, устраивал модные вечеринки и предпочитал компанию музыкантов и кинозвезд обществу банкиров и политиков. Милош обретался в среде, которая в Чехословакии тридцатых годов была «сливками общества». По-видимому, он был безмерно предан своей киностудии и верен своим звездам, что втянуло его в некоторые сомнительные предприятия и вынудило пойти на еще более сомнительные уступки после того, как в марте 1939 года нацисты оккупировали Чехословакию и сделали «Баррандов» частью своего военно-пропагандистского механизма.

В семье столь ярких личностей мать Вацлава, Божена, определенно не оставалась на вторых ролях. Это была архетипическая пражская матрона, точно так же, как ее муж был архетипическим джентльменом, а деверь – архетипическим бонвиваном. Она обустроивала семейную жизнь, с помощью нескольких нянек и служанок следила за воспитанием и образованием сыновей, организовывала светские мероприятия, а также интересовалась музыкой, искусствами и наукой. Ее отец Гуго Вавречка, силезский инженер, журналист, публицист и дипломат, ранний провидец центрально-европейской интеграции и в течение нескольких месяцев даже министр в чехословацком правительстве, являл собой еще одно достопримечательное творение чешского национального возрождения.

Хотя Божена, судя по всему, была хорошей и ответственной матерью, старавшейся развивать у сыновей всевозможные интеллектуальные интересы – от химии и вообще науки до литературных опытов и домашнего кукольного театра, – она, по-видимому, не проявляла особо горячей родительской любви – по крайней мере к своему первенцу. Его младшего брата Ивана она, наоборот, обожала, оставляла Вацлава присматривать за ним, даже когда тому не очень хотелось, и бранила, если что-то случалось. Такое, впрочем, часто выпадает на долю старшего из детей²¹.

¹⁸ D álkový výslech // Spisy. Sv. 4. S. 791.

¹⁹ Ibid. S. 794.

²⁰ Ibid. S. 791.

²¹ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, farma Košík, 20. srpna 2012.

При всем том это было детство привилегированное, благополучное и счастливое, и Вацлав рос привилегированным, благополучным и счастливым ребенком. На ранних фотографиях мы видим улыбчивого светловолосого мальчугана, чуть ли не ангелочка, окруженного любовью и заботой. Единственным камнем преткновения для ребенка, родившегося в 1936 году, было то, что этот рай не мог быть долговечным.

Его матери, скрупулезной документалистке, мы обязаны, быть может, лучшей иллюстрацией антиномий, из каких состояла его жизнь. Семейный альбом 1938 года, который она любовно украсила собственными рисунками, открывает панорамный снимок Баррандовских террас с подписью «Веноушково»²², продиктованный понятной, хотя, как оказалось, ошибочной мыслью, что однажды они будут принадлежать ее первенцу.

На десятках фотографий с матерью, отцом, родными, друзьями и с братом Иваном Гавел предстает образцовым ребенком, у которого ни в чем нет недостатка. Ухоженный, одетый, как маленький принц, он уверенно улыбается в объектив. Должно быть, робость и смущение развились у него позже. На одном из первых фото с младшим братом Вацлав тычет Ивана пальцем в нос, «чтобы убедиться, что оба они в самом деле существуют»²³. В четыре года он уже высказывал своеобразные суждения. Так, у доктора Вала, друга семьи, который был лыс, он спросил, почему у него нет волос. Когда же тот, желая развлечь ребенка, ответил, что волосы у него растут внутрь, Вацлав педантично заметил: «А ты знаешь, дядя, что они у тебя и наружу уже растут – из носа?»²⁴

Однако врываются сюда и мрачные ноты, которые Божена не преминула отразить в альбоме. Речь о катастрофах. Им посвящено несколько страниц, озаглавленных, без различия степени важности событий, «Корь», «Мобилизация» и «Война». За неделю до второго дня рождения Вацлава Чехословакия объявила мобилизацию, чтобы защитить себя от угроз Гитлера, а затем капитулировала перед лицом «мирного» мюнхенского диктата. В соответствии с мюнхенскими договоренностями Чехословакия лишалась судетских областей, населенных преимущественно немцами, в обмен на гарантии территориальной целостности оставшейся части страны. Через пять месяцев вермахт оккупировал Прагу, и Гитлер установил над Чехией и Моравией «протекторат», тогда как Словакия стала независимым государством, связанным тесными узами с нацистской Германией. Спустя еще одиннадцать месяцев началась Вторая мировая война, смерч которой разрушил значительную часть Европы, изменил до неузнаваемости ее политическую карту и положил конец благополучию и уверенности в завтрашнем дне миллионов семей, в том числе семьи Гавела.

Впрочем, в ее случае последствия скорого взрыва сказались далеко не сразу. В то время как дядя Милош, пытаясь спасти свою обожаемую киностудию, скользил по очень тонкому льду сосуществования с немцами, его брат, никогда не любивший публичного внимания к своей персоне, удалился от общественных дел и перебрался с семьей в относительно безопасное и удобное для жизни место – в их загородный дом в Гавлове, в живописной местности на Чешско-Моравской возвышенности. Там, в атмосфере, отчасти напоминающей Комбре у Пруста, оба мальчика, опекаемые гувернанткой, служанкой и кухаркой под бдительным присмотром своей матери, по-прежнему могли наслаждаться идиллическим детством среди шума сосен, позывных сигналов кукушек и запахов темперных красок пани Божены. Даже вода из колодца сладостно благоухала²⁵. Ничто в семейной корреспонденции и детских рисунках тех лет не напоминает о том, что вокруг шла война. Среди главных происшествий военной поры и первых послевоенных лет, согласно письмам Божены и ее сыновей, были такие, как болезнь

²² Rodinné album 1938 // Archiv Ivana M. Havla. KVH ID 1788.

²³ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, 20. srpna 2012.

²⁴ Rodinné album. 1938.

²⁵ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, 20. srpna 2012.

маленького Вацлава, который в гостях у бабушки и дедушки в Злине заразился корью, бегство от нападающих гусей и «насморк, как слон» (с иллюстрирующим это рисунком, изображающим слона)²⁶. Иные события, о которых Вацлав писал бабушке с дедушкой, покажутся существенными только с точки зрения десятилетнего мальчика: «После обеда я должен был в наказание много писать, потому что мы плохо вели себя на прогулке. Мы ходили в лес за ветками и убежали от пани учительницы»²⁷. Уже в этом возрасте Гавел добивался драматического эффекта: «Сегодня мы были в кино. Оно называлось “Табу”. Было интересно, только один дед все испортил.

Он был очень старый и противный и любил молоденьких девушек»²⁸. Важным мероприятием, которому он посвятил целых три письма, был выезд Рези (кухарка), Марженки (служанка) и Барышни (гувернантка) на бал. Гавел замечает, что на танцах им, должно быть, понравилось, раз они вернулись только в четыре утра. Мама Божена не спала всю ночь²⁹.

С фотографий, сделанных на Рождество 1941 года, на нас смотрят два довольных мальчика: уверенный в себе Вацлав и милый кудрявый Иван, которого мать ласкательно называла Иванек или даже Ивечек. На других снимках мы видим семью за обедом на лоне природы в Гавлове. Поскольку мальчики, ходившие по грибы, вернулись из леса с пустой корзинкой, мама помогла им, подрисовав на фото несколько красивых боровичков. В Злине Вацлав подолгу играл с домашней овчаркой, и привязанность к собакам осталась у него на всю жизнь. Летом в Гавлове мальчики купались в ближнем пруду, а зимой катались на коньках по его замерзшей поверхности. Вацлав явно чувствовал себя более спортивным, чем его младший брат: «Полчаса я резал лед коньками, как черт. Иван часто падал»³⁰.

Одаренная мать поддерживала в Вацлаве охоту рисовать. Выбор им сюжетов может показаться знаменательным, хотя для мальчика его возраста в нем не было ничего необычного. На его рисунках мы видим королей и королев, замки и короны; он даже нарисовал «орден святого Вацлава»³¹ в блаженном неведении о том, что награду с подобным названием, «Святовацлавская орлица», получали в те годы нацистские пособники. Охотно рисовал он солдат в историческом обмундировании, чаще всего с усами, какие позже носил сам, или с бородой. Изображения птиц и грибов у него были цветные и стилизованные. Иван между тем был ближе к действительности; в частности, он пытался нарисовать Адольфа Гитлера.

Обоих мальчиков восхищали механизмы, сложная техника и фабрики. «Дедушка, пожалуйста, ты не мог бы нарисовать мне, как устроен пылесос, что там внутри проходит ток, и он сосет пыль и сор. Жду с нетерпением»³². Дед Вавречка с радостью выполнил эту просьбу. При этом любознательность у юного Вацлава сочеталась с сочувствием и с элементами совестливости. Как-то раз, когда его спросили, какая температура воздуха в комнате, он к удивлению всех ответил: «Шестнадцать градусов Реомюра». После чего пояснил: «Мне так его, бедняжку, жалко, все больше любят Цельсия, поэтому я над ним сжалился»³³.

Во время войны оба мальчика начали ходить в местную школу в Гавлове. Об ее уровне мы можем лишь догадываться, но по крайней мере дважды Вацлав похвастался бабушке с дедушкой сплошными пятерками в табеле, причем не преминул отметить, что Иван получил четверки по пению и чистописанию³⁴.

²⁶ Rýma jako slon, kresba, zima 1946 // Archiv Ivana M. Havla. KVH ID 1389.

²⁷ Dopis manželům Vavrečkovým, 11. ledna 1946. KVH ID 1472.

²⁸ Dopis manželům Vavrečkovým, 11. ledna 1946. KVH ID 1472.

²⁹ Dopis manželům Vavrečkovým, 2. února 1946. KVH ID 1473.

³⁰ Dopis manželům Vavrečkovým, 9. ledna 1946. KVH ID 1472.

³¹ KVH ID 1390.

³² Dopis Hugo Vavrečkovi, 25. ledna 1947. KVH ID 1480.

³³ Dopis Boženy Havlové Josefíně Vavrečkové, 22. ledna 1947. KVH ID 1456.

³⁴ Dopisy manželům Vavrečkovým, 18. února 1946. KVH ID 1474; 7. února 1947. KVH ID 1481.

Итак, мы видим смышленного, способного, уверенного в себе, хотя, может быть, иногда слишком умничающего ребенка. Так, когда из Злина в гости к Гавелам должна была приехать бабушка, мать Вацлава ее заранее предостерегла: «Веноушек наверняка будет зачитывать тебе политические передовицы, с ходу снабжая их своими комментариями»³⁵. Гавел был с самого начала аристотелевским *zoon politikon* (общественным существом).

Несмотря на столь завидные условия, сам Гавел не вспоминал свои детские годы как особенно счастливую пору. Он объяснял это «социальным барьером»³⁶, о который он, будучи привилегированным ребенком, спотыкался в провинциальной, преимущественно крестьянской и пролетарской, среде. У него было ощущение, будто он наталкивается на «невидимую стену»³⁷, за которой он в большей степени, чем остальные дети, чувствовал себя «одиноким, неполноценным, потеряннным, осмеиваемым» и «униженным своим превосходством»³⁸.

Это чувство отчуждения и изоляции, как и незаслуженной привилегированности, у Гавела сохранялось в течение всей жизни. В его восприятии именно благодаря этому чувству он всю жизнь смотрел на мир «снизу» и «снаружи»³⁹. Проблемы, которые в том возрасте еще не могли быть определены им как экзистенциальные, он относил за счет «невольной ущемляющей» заботы своих родителей⁴⁰.

Но, в отличие от Франца Кафки, одного из своих великих образцов, Гавел никогда не считал себя жертвой разрушительных безликих сил, над которыми он не имел никакой власти. Очевидно, не что иное, как внутреннее упорство и мужество позволяли ему вновь и вновь противиться таким силам, бороться с ними на равных и иногда побеждать – вопреки, а может быть, как раз благодаря осознанию собственной хрупкости. Именно этот дух сопротивления предопределил ему роль скорее изгоя, чем жертвы. Его взгляд на мир всегда был в большей степени взглядом «снаружи», нежели «снизу».

Тем не менее, возможно, Гавел переоценивал исключительность своих ощущений. Большинство подростков естественным образом чувствует отчуждение от сверстников, семьи и своей социальной среды. Гавел и сам вспоминал, что чувство отторженности в нем усиливалось и то, что он был «откормленный толстячок»⁴¹, что в таком возрасте не кажется чем-то особенным.

Но, несомненно, не все объясняется только этим. В воспоминаниях и интервью Гавела там, где речь идет о детстве, много «белых пятен». Не надо быть психологом, чтобы заметить, что, в отличие от отца, дяди, брата и дедушки с бабушкой, в его мемуарах почти не фигурирует мать. Это тем более странно, что Божена, пойдя в отца, проявляла артистические и интеллектуальные наклонности в большей степени, чем ее муж, владела несколькими языками и была талантливейшей художницей. Кроме того, она напрямую участвовала в воспитании своих детей. Хотя в семье была гувернантка, Божена Гавлова сама учила сыновей алфавиту и даже нарисовала для них крупные буквы, которые прикрепила к стене⁴². Она развивала в Вацлаве художественные дарования и поддерживала его интерес к наукам. Несмотря на это, Гавел очень редко упоминал ее, и большей частью того, что мы о ней знаем, мы обязаны его брату Ивану.

Разное отношение к обоим родителям хорошо иллюстрируют два письма, которые Вацлав послал домой из школы-интерната в Подебрадах в 1948 году, как раз когда в ЧСР пришли к власти коммунисты. 31 мая он пишет матери: «Я случайно не забыл дома авторучку?

³⁵ Dopis Boženy Havlové Josefině Vavrečkové, 22. ledna 1947. KVH ID 1456.

³⁶ D álkový výslech // Spisy. Sv. 4. S. 702.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid. S. 703.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ D álkový výslech // Spisy. Sv. 4. S. 702.

⁴² Havlová, Božena (2003).

Чем кончились выборы в Праге и в стране? В остальном у меня все хорошо. С почтением В. Гавел»⁴³. Тогда как отцу 28 сентября, в день святого Вацлава: «Дорогой папа! Желаю тебе в день твоих именин всего наилучшего, чего только может желать сердце и чего не выразить словами, то есть, чтобы следующие твои именины ты отмечал при лучших обстоятельствах. Твой сын Вацлав Гавел»⁴⁴.

Одно дело – показать, что отношение Гавела к матери нельзя было назвать теплым, и совсем другое – попытаться объяснить, почему так случилось. На первый взгляд кажется, что все было в порядке. Божена неограниченно распоряжалась домом, следила за воспитанием детей, вместе с мужем принимала гостей, и ее в ответ тоже приглашали в гости; к изменам же мужа она относилась терпимо. У них был хороший прочный брак, несмотря на то, что Вацлав Мария был женат вторично, а Божена была на шестнадцать лет моложе его. Своих сыновей она охраняла и поддерживала, ей были важны их успехи. Но, по-видимому, ее воспитание неким образом вызвало глубоко амбивалентное отношение к противоположному полу, какое ее старший сын пронес через всю жизнь. Гавел внутренне нуждался в женском обществе, в нежности и радости, которые была способна дать ему женщина, но также – в ее руководстве и порядке, которые она могла ему обеспечить. Всю жизнь он инстинктивно искал общества сильных женщин-лидеров, способных помочь ему преодолеть чувство беспомощности и неуверенности. И, хотя это звучит как довольно-таки банальное клише, все они так или иначе напоминали его мать.

Вместе с тем Гавел часто восставал против авторитета женщин в своей жизни и упорно старался от него освободиться. Хотя размышлениям о сложности отношений между мужчиной и женщиной он посвятил немало часов, что отразилось и в его литературном творчестве, большую часть времени он проводил в обществе мужчин, где, как правило, лидером был он сам. И несмотря на то, что он придавал огромное значение более острому инстинкту женщин и их способности приобщаться к глубинным тайнам жизни, в целом – за некоторыми важными исключениями – он не очень высоко ценил их интеллектуальные возможности. Например, в «Письмах Ольге» замечен его несколько насмешливый взгляд на присущие его жене манеру письма и образ мыслей.

Это противоречивое отношение к женщинам у Гавела отчетливо проявилось и в период его президентства. С одной стороны, он окружал себя представительницами другого пола и даже пошел на риск, что его будут сравнивать с Муамаром Каддафи, когда пригласил двух молодых женщин в свою службу охраны. С другой – он обычно не выдвигал женщин на ответственные посты. Среди сотни с лишним министров, которых он как президент назначал (хотя в последние годы его влияние на такие назначения и было ограниченным), не набралось бы и пяти женщин. Двум женщинам, принадлежавшим к узкому кругу первых сотрудников его президентской канцелярии, Эве Крисеовой, своей давней подруге и замечательной писательнице, а также семикратной олимпийской чемпионке гимнастике Вере Чаславской, он доверил работу с письмами в своей канцелярии и ведение дел, связанных с социальным обеспечением. В дальнейшем, будучи уже чешским президентом, он отводил женщинам исключительно роли ассистенток и секретарш. Единственными заметными профессионалками в его команде были адвокаты, представлявшие его интересы – как частные, так и служебные, – и Анна Фрейманова, заботившаяся о его авторских правах. Все-таки когда речь шла о его личном благополучии и личных интересах, он в конечном итоге полагался на женщин.

Всякий, кто решится попробовать охарактеризовать – вплоть до тонких нюансов – личность Гавела, неизбежно столкнется с этой глубокой двусмысленностью, проявлявшейся в нем уже с ранних лет, и не только по отношению к женщинам. Неловкость склонного к полноте робкого

⁴³ Archiv Ivana M. Havla, nedávný nález.

⁴⁴ Ibid.

ребенка у него с самого детства сочеталась с естественной самоуверенностью исключительно одаренного и бесконечно любознательного мальчика с интеллектуальными запросами, значительно превосходящими его возраст. В дальнейшем при каждом повороте и кульбите богатой событиями жизни отчетливо сказывались обе эти стороны его характера. Его уверенность в себе парадоксальным образом росла пропорционально невзгодам и препонам, на которые он наталкивался, и наоборот, неизменными спутниками величайших его триумфов были сомнения. Такая душевная организация не обязательно предвещает легкую судьбу, зато основательно вооружает ее обладателя для борьбы с превратностями жизни.

Портрет художника в юности

*Он был один. Один – юный, дерзновенный, неистовый.
Джеймс Джойс. Портрет художника в юности
(перевод М.П. Богословской-Бобровой)*

В год окончания войны Гавелу еще не было и девяти, но, постоянно прислушиваясь к разговорам взрослых, он не мог не понимать, что мир коренным образом изменился. На смену мертвящим тискам нацистской оккупации пришли две армии с разными намерениями. Армия с востока, занявшая теперь большую часть территории республики, включая столицу, не появлялась в этих краях со времен сражения под Аустерлицем. На сей раз эта армия пришла под красным знаменем со звездой, серпом и молотом. Вторая, под звездно-полосатым флагом, до тех пор не продвигалась в Европе дальше Франции. Это произошло в конце войны, которая должна была покончить со всеми войнами, и пришла эта армия по приказу президента Вильсона, сыгравшего ключевую роль в послевоенном устройстве Европы вообще и в создании Чехословакии в частности. Язык страны, откуда явились солдаты первой из этих армий, был сходен с чешским, ее классическая литература, отмеченная французским влиянием, имела немало читателей в среде чешской интеллигенции, но население этой страны во многом отличалось от чехов. Другая, лежащая далеко за Атлантическим океаном, до XX века была известна местным жителям в основном лишь как прибежище для массы «измученных бедняков»⁴⁵, голодных, преследуемых и предприимчивых, большинство которых уже никогда не вернулось на родину. Основатель Чехословакии Томаш Гарриг Масарик, проживший последний год Первой мировой войны в Соединенных Штатах и женатый на американке, отождествлял себя со страной за океаном настолько, что даже взял себе фамилию жены, поставив ее перед своей собственной, а независимость Чехословакии провозгласил именно в Вашингтоне. Несмотря на свои симпатии к России как стране близкого славянского народа, он питал глубокое недоверие к ней в ее самодержавно-клерикальном облики – точно так же, как и к недемократической большевистской революции. Его преемник Эдвард Бенеш, дипломат до мозга костей, играл в Большую игру довольно искусно, но не обладал необходимой для успеха силой, а к концу Второй мировой уже настолько зависел от Советского Союза, что, хотя сам он вместе с правительством в изгнании провел большую часть войны в Лондоне, новая послевоенная власть формировалась в Москве.

Тем не менее в 1945 году Чехословакия еще, казалось, могла выбрать одну из двух возможностей либо по крайней мере попытаться сбалансировать – в той или иной степени – влияние обеих сторон. Были восстановлены, пусть с существенными ограничениями, демократические институты, и в интеллектуальных кругах вновь развернулась дискуссия (хотя чем далее, тем более ожесточенная) между растущим числом последователей коммунистической веры и приверженцами либеральных гуманистических традиций государства, основанного Масариком.

На первый послевоенный период пришлась также волна праведного гнева и актов возмездия – осуществляемых подчас несправедливыми людьми – нацистским активистам и сочувствующим, а также коллаборантам из числа чехов. В действительности возмездие обрушилось на немцев в целом. Три миллиона граждан Чехословакии – этнических немцев – были выдворены за пределы страны, и тысячи, если не десятки тысяч, были убиты «революционными гвардейцами» или растерзаны разъяренной толпой. В захлестнувшей общество волне нена-

---

⁴⁵ Из сонета Эммы Лазарус «Новый Колосс» (1883). Текст высечен на бронзовой доске, помещенной в пьедестале Статуи Свободы.

висти ко всем, кто провел годы войны в относительном достатке и пережил ее без больших потерь, тень подозрения пала и на обоих братьев Гавелов. В свою защиту им удалось раздобыть весьма условное подтверждение собственной безупречности за подписью члена «совещательной комиссии» при национальном комитете района Прага-Глубочепы: «Настоящим заявляем, что в настоящий момент нам не известно что-либо и мы не располагаем какими-либо обвинительными материалами против братьев Гавелов, владельцев предприятий ресторанного обслуживания в Баррандове»⁴⁶. В отношении Милоша Гавела позднее велось следствие по делу о связях с нацистами и сотрудничестве с германской киноиндустрией, и хотя обвинение с него было снято, его признали морально непригодным для дальнейшей работы в кинематографе – может быть, не только из-за поведения во время войны, но еще и по причине его гомосексуальных наклонностей. То, что он был богат, послужило отягчающим обстоятельством. Его студию, АВ, поглотила волна национализации крупных промышленных предприятий и фирм. В 1949 году, после безуспешной попытки бежать на Запад, он получил двухлетний тюремный срок, а с 1952 года, когда побег наконец удался, обосновался в Мюнхене. «Люцерну» и недвижимость Вацлава Марии Гавела новые власти до поры не трогали, хотя пора эта была недолгой.

Кроме нескольких рисунков, сохранился только один документ, иллюстрирующий направление мыслей и развития Вацлава Гавела в то время. Фантазия «Фабрика добра» не датирована, но орфография Гавела, грамматика и общий контекст позволяют считать, что она написана после окончания войны, скорее всего в канун или вскоре после наступления нового 1946 года⁴⁷. В ее создании с воодушевлением участвовал и Иван. Как пишет в ней сам Гавел, главной его целью было стать знаменитым Исследователем и Профессором, что отвечало его интересам в тот период. В частности, он тогда «решил»⁴⁸ достать экипировку, чтобы отправиться на полюс»⁴⁹. Сделаться миллионером казалось тоже важным, но это было лишь средством для осуществления грандиозного проекта «Добровки» – фабрики на 90 000 рабочих мест с филиалами в каждом городе, где имелись филиалы фирмы «Батя». Уже само название фабрики вместе с расчетами на последней странице, написанными рукой кого-то из старших (возможно, это был Гуго Вавречка), говорит о том, что текст создавался частично в Злине, центре империи Бати. Иван вспоминал⁵⁰, что фабрика получила имя «Добровка» – по контрасту с названием гиганта автомобилестроения «Шкода»; но еще вероятнее предположение, что за этим стояла игра с названием города Злин⁵¹. Не очень понятно, что должна была производить эта фабрика, судя по всему, добро. Она должна была снискать своему основателю необычайную популярность, что следует из изображения «Венды, как мы его называли», восседающего на «золотом престоле» и прославляемого ликующей толпой⁵². Эта невинная детская фантазия словно предвещала, что ее автор, даже в собственных глазах, предназначен для великих свершений. Вскоре, однако, ему пришлось учиться умерять свое честолюбие.

Летом 1947 года, когда будущее страны предопределил навязанный Сталиным отказ от плана Маршалла⁵³, пришло время задуматься о систематическом образовании Вацлава. Родители, старавшиеся дать своим сыновьям все самое лучшее, отправили вначале его, а двумя

⁴⁶ Potvrzení o beztrestnosti bratří Havlů, 18. června 1945 // Archiv Ivana M. Havla. KVH ID 18241.

⁴⁷ Továrna dobra // Archiv Ivana Havla. KVH ID 16271. В Библиотеке Вацлава Гавела этот документ отнесен к 1950-м годам, что представляется маловероятным.

⁴⁸ Так в оригинале. – *Прим. пер.*

⁴⁹ Ibid. S. 1.

⁵⁰ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, 20. srpna 2012.

⁵¹ Фирма «Шкода» получила свое название по фамилии ее основателя Эмиля Шкоды (1839–1900), в чешском языке совпадающей по звучанию с нарицательным существительным, которое означает «убыток», «ущерб» и «зло». В названии города Злин также явственно просматривается корень слова «зло». – *Прим. пер.*

⁵² Továrna dobra. S. 3.

⁵³ См.: Smetana (2013). S. 81–123.

годами позже и Ивана в уникальную школу для мальчиков в Подебрадском замке. Коллегия имени короля Иржи из Подебрад была одновременно эксклюзивной и государственной, элитной и благотворительной, сочетавшей консервативный дух, как в британском Итоне, с передовыми либеральными идеями, и словно воплощала в себе дилеммы родителей. Ученики школы были самого разного социального происхождения: одни происходили из семей сельских врачей – коллег соучредителя школы (кардиолога), другие – из видных пражских семей. Некоторые, как, например, дети направленных на работу за границей дипломатов, являлись своего рода заложниками в стране, быстро учившейся подозрительности к собственным эмиссарам, к ветеранам войны и ко всем, кто имел какие-то контакты с внешним миром; некоторые же были сиротами, потерявшими родителей в годы войны. Для приема в школу требовалось сдать вступительные экзамены. По любым меркам здесь удалось собрать целый ряд исключительно одаренных детей. В один год с Вацлавом сюда поступили будущий председатель чешского Олимпийского комитета врач Милан Ирасек, будущий секретарь не запрещенной при коммунистах Чехословацкой социалистической партии Ян Шкода и сын мученика антигитлеровского сопротивления и будущий борец антикоммунистического подполья Йозеф Машин, для одних – герой, а для других – убийца⁵⁴. «Куратором» комнаты, где жил Вацлав, был его старший однокашник Милош Форман, будущий кинорежиссер, автор фильмов «Черный Петр» и «Амадей». В этой же школе учился еще один будущий голливудский режиссер, Иван Пассер.

Помещения школы, располагавшейся в замке, история которого восходила к XIII веку, были хотя и роскошные, но не такие уж удобные. В комнатах с высокими потолками имелось только печное отопление, зимой там было холодно, и ученикам приходилось то и дело выстраиваться цепочкой, чтобы поднять уголь из подвала в отведенную классу Гавела спальню на пятом этаже. Одиннадцатилетний Вацлав каждый вечер читал в кровати. Держался он большей частью особняком. Ближайшим его товарищем был Лойза Стрнад⁵⁵. Поскольку Прага была недалеко, Вацлаву разрешалось ездить через выходные домой. Иногда он звал с собой кого-то из мальчиков, у которых такой возможности не было.

Правила в школе были весьма строгие. Ребятам вменялось в обязанность поддерживать порядок в спальнях и личных вещах, причем тут действовала балльная система поощрений и наказаний, которой все боялись. Гавел, по натуре склонный к порядку, был, по всей видимости, не очень ловок, поэтому баллов набирал не слишком много. Милан Ирасек, который время от времени ездил с Вацлавом в Прагу, вспоминает, как вечно придиричивая мать Гавела Божена укоряла его: «Почему ты не можешь быть таким же примерным, как Ирасек и Черношек?»⁵⁶

Спустя шестьдесят лет память тех, которые еще живы, избирательна и фрагментарна, однако же никто из них не вспоминает, чтобы Гавел был исключительно выдающимся учеником. Школа, следуя британским образцам, придавала большое значение спортивным достижениям и лидерским качествам. Юному Вацлаву, как кажется, недоставало того и другого. Он даже петь не умел. Форман помнит его как парнишку «с умными глазами, который был такой вежливый и любезный, что сам себе этим вредил»⁵⁷. Только какая-то «внутренняя сила» уберегла его от судьбы «раба» всей комнаты и снискала ему «дружеское уважение» младших соучеников⁵⁸. Как-то раз, когда мальчики учились ездить на подаренном школе велосипеде и

⁵⁴ Йозеф и его брат Цгирад, также учившийся в подебрадской школе, принадлежали к тем немногим чехам, которые с оружием в руках боролись с коммунистическим режимом. В конце концов оба прорвались в американскую зону оккупации в Берлине. Жертвами организованных ими в группе сопротивления убийств стали несколько полицейских и одно невооруженное гражданское лицо. После падения коммунистического режима президент Гавел отклонил предложения представить их к государственным наградам.

⁵⁵ Rozhovor s Aloisem Strnadem, Skype, 25. listopadu 2012.

⁵⁶ Rozhovor s Milanem Jiráskem, Londýn, 8. srpna 2012.

⁵⁷ Forman a Novák (1994). S. 47.

⁵⁸ Ibid.

один за другим выкатывали на нем из школьного двора на площадь к памятнику короля Иржи и затем сразу же возвращались обратно, Гавел, который не без труда взобрался в седло, вместо того чтобы сделать круг, устремился куда-то вдаль. «Гавел сбегает!» – закричал Форман. Когда же учитель Гофганс догнал его на мотоцикле на полпути к Нимбурку, выяснилось, что Гавел не умел ни развернуться, ни слезть с велосипеда, потому что его короткие ноги не доставали до земли⁵⁹.

На уроках Вацлав был послушен, но несколько робел и держался в стороне от других. Чувство отчужденности – результат привилегированного воспитания – в нем тогда, по-видимому, усилилось. Когда учитель Боучек спрашивал у учеников, кто их родители и чем они занимаются, Гавел молчал до последнего, а потом неохотно ответил, что его отец держит ресторан, точнее, два ресторана. «Рестораны? Какие рестораны?» – удивился учитель. «Баррандов и Люцерну», – выдавил из себя Гавел⁶⁰.

В феврале 1948 года коммунисты, совершив путч, осуществили захват власти. Министр иностранных дел Ян Масарик, сын Президента-освободителя, был найден мертвым во дворе министерства: якобы он разбился после падения из окна ванной в министерской квартире на пятом этаже, что произошло при обстоятельствах, которые наводили на мысль о грязной игре⁶¹. Министр юстиции Прокоп Дртина, друг семьи Гавелов, совершил попытку самоубийства, выбросившись из окна своей квартиры, но с тяжелыми увечьями пережил падение, чтобы вскоре после этого быть приговоренным к пятнадцати годам заключения. Еще одного видного политика, также близкого семье Гавелов, социалиста Губерта Рипку, министра внешней торговли, от подобной же судьбы спас только побег за границу. Вацлав Мария Гавел в 1949 году провел три месяца в тюрьме по подозрению в пособничестве группе проводников, помогавших беженцам уйти на Запад.

До нас не дошли никакие документы или свидетельства, за исключением одного-единственного⁶², в поддержку утверждения, что в подебрадской школе Гавелу был свойственен конформизм. История о том, как он вступил в Чехословацкий союз молодежи (ЧСМ) и разгуливал по городу в форменной голубой рубашке его членов, которую в 2007 году рассказывал предубежденный против Гавела Йозеф Машин, не внушает доверия⁶³. О степени интереса Гавела к политике и его информированности в то время свидетельствует его запись в хронике класса от 30 мая 1948 года: «После выборов не происходило ничего особенного, что было бы достойно упоминания в этой хронике»⁶⁴.

Летом 1948 года, наперекор вихрю, который ее вскоре смел, подебрадская школа по-прежнему сохраняла свой исключительный этос и программу. В июле у Качлежского пруда в прекрасной лесистой местности на юго-востоке Чехии был организован ежегодный скаутский лагерь. Гавел входил в отряд «водных скаутов», которому вменялось в обязанность переправлять в лагерь свои палатки и вещи на лодках, что неизбежно приводило к разным происшествиям.

Гавел, чья скаутская кличка (которой он не слишком радовался) была Скарабей⁶⁵, уже тогда пользовался репутацией искусного стилиста, «на несколько лет опережающего осталь-

⁵⁹ Ibid. Милош Форман повторил это в личной беседе в Уоррене (Коннектикут) 13 апреля 2013 г. Ирасек в личной беседе 8 августа 2012 г. также вспоминал этот эпизод, но без подробностей.

⁶⁰ Rozhovor s Milanem Jiráskem, Londýn, 9. srpna 2012.

⁶¹ См., например: Albrightová (2012).

⁶² Kaiser (2009). S. 32.

⁶³ ЧСМ был создан в апреле 1949-го, за год до закрытия школы. Двенадцатилетнему на тот момент Гавелу было бы рано вступать в него. Однако в 50-е годы Гавел состоял в ЧСМ.

⁶⁴ Kronika 1.A, 30. května 1948 // Archiv Aloise Strnada.

⁶⁵ По-чешски Chrobák. Этим прозвищем он, вероятно, был обязан Милошу Форману, хотя тот впоследствии не признавал свое авторство // Rozhovor s Milošem Formanem, 13. dubna 2013; rozhovor s Milanem Jiráskem, 9. srpna 2012.

ных»⁶⁶, поэтому ему поручили вести хронику лагеря. Своим не по годам взрослым, округлым почерком он тщательно записывал все важные события последующих четырех недель. К сожалению, важнейшим событием оказался самый дождливый за последние годы июль, так что значительная часть его записей посвящена сетованиям на погоду и ожиданиям, когда же наконец выйдет солнце, и лишь небольшая часть – играм, стоянию в карауле, завязыванию узлов и торжественным клятвам. Тем не менее в конце хроники мы находим написанную по всей форме благодарность Скарабею от начальника лагеря за образцовое ведение записей. Большинство из них начиналось с того или иного «лозунга дня», который нередко шел вразрез с победной идеологией эпохи. Например, уже тогда Гавел записывает: «И слово способно быть делом». В контексте того времени приводимая им цитата из Масарика «Иисус, не Цезарь» звучит как дерзкий анахронизм⁶⁷.

В 1950 году анахронизмом стала сама школа, просуществовавшая всего четыре года. Весной Вацлава и его брата Ивана, поступившего сюда только за полгода до ее закрытия, вместе с другими учениками распустили по домам. Некоторых перевели в обычные школы в Подебрадах. Директора Ягуду отправили работать на угольной шахте.

---

⁶⁶ Osobní rozhovor s Milanem Irascem 9. srpna 2012.

⁶⁷ Skautská kronika, 29. června – 25. července 1948 // Archiv Ivana M. Havla. KVH ID 1654.

Серебряный ветер

*Серебряный ветер! Блажен лоскут
земли, где первый флаг ты взвевал;
когда ж флаги сникнут и опадут —
спасибо за то, что ты нам веял.*

Фаня Шрадек. Писецкая

После возвращения Гавела в Прагу казалось, что ему не получить не только элитного, но и вообще какого бы то ни было образования. В 1950 году на нем уже стояло клеймо «буржуазного элемента», который не заслуживает даже аттестата зрелости. Коммунисты хотя и называли себя атеистами, по-видимому, поклонялись мстительному богу, который наказывает за грехи отцов потомков до третьего и четвертого колена. Сыновей мог очистить только оказывающий благотворное воздействие физический труд при безоговорочном принятии образа жизни и ценностей рабочего класса. Удовлетворяло этому условию место лаборанта в Химикотехнологическом институте или нет, но именно там Вацлав с помощью родителей нашел себе пристанище. Он изыскал также способ продолжать обучение в средней школе – пускай не днем, когда его присутствие могло угрожать кристально чистому сознанию учащихся представителей рабочего класса, а в вечерние часы, после смены. В Средней школе трудящейся молодежи на Штепанской улице, неподалеку от «Люцерны», он очутился в компании подобных ему социально ненадежных элементов, с которыми его объединяли не только схожие проблемы, но и общие интересы. В лице Ивана Гартманна, Радима Копецкого и Станды Махачека Гавел обрел друзей, с которыми он мог спорить, дискутировать и философствовать без боязни, что их объявят реакционерами. Впрочем, их таковыми и без того считали⁶⁸. Так возник неформальный дискуссионный клуб, которому Радим Копецкий придумал название «Тридцатипестерочки» – по одинаковому у всех году рождения⁶⁹. Первоначально члены клуба ставили своей задачей совершенствоваться в ведении дискуссий о политике, экономике и философии. А так как их шансы сделать карьеру на любом из этих поприщ были нулевыми, не удивительно, что тематический спектр их дискуссий дополнили области, не столь зависимые от господствующего в обществе вероучения, такие как танец, музыка, фотография и поэзия. Всего за два года существования группа выпустила пять номеров журнала, названного «Диалоги 36», и два альманаха под общим заглавием «Серебряный ветер» (по названию популярного романа Франи Шрамека, воспевавшего молодость).

Копецкий и Гавел быстро выказали себя движущей силой группы. Причиной были отчасти их социальные навыки и независимое оппозиционное мышление, а в случае Гавела еще и то, что у него тогда, как и неоднократно впоследствии, можно было встречаться. В пятидесятые годы большая квартира или собственный дом были в Праге редкостью. Семья же Гавела жила в просторной удобной квартире в центре города, а родители Вацлава умели принимать и охотно принимали гостей.

Хотя шестнадцатилетний в то время Гавел начал пробовать себя в поэзии, себя он видел в первую очередь мыслителем. Трудно удержаться от соблазна усмотреть в этом истоки его позднейших философских опытов, но большей частью это были бы напрасные старания. Гавел сам признавался, что краснеет, вспоминая свои «инфантильные попытки найти во всем какое-то позитивное содержание и смысл»⁷⁰.

---

⁶⁸ Копецкий был сыном довоенного дипломата, а Махачек происходил из состоятельной пражской семьи.

⁶⁹ Значительная часть сведений о клубе, приводимых в данной главе, взята из замечательного, основанного на подлинных фактах и посвященного этой группе романа «Подробности устно», который написал Павел Косатик.

⁷⁰ Предисловие Вацлава Гавела к «Ústně vice».

Вначале он исповедовал некий вариант социалистического гуманизма, в котором отразилось преобладавшее в его семье направление мыслей в сочетании с положениями идеалистической философии Масарика. Этот первый опыт создания общеполитической системы он называл «гуманистическим оптимализмом». В ее основе лежала идея «стандартного универсального оптимума потребностей» каждого индивида, достижимого посредством общественного регулирования. Эта мысль не слишком отличалась от идеи социального государства, которая в недавнем прошлом внедрялась в практику рядом западных обществ. Она прекрасно совмещалась с масариковским гуманизмом и идеей будущей общеевропейской формации, которую разделял дед Вавречка. Сам Гавел был одним из ранних приверженцев и даже в каком-то смысле глашатаев европейской интеграции. «Гляди-ка, – написал он в письме Радиму Копецкому 2 марта 1953 года, – уже рождается Объединенная Европа»⁷¹. Не так много было людей, особенно среди живших за железным занавесом, которые в то время именно так расценили подписание 10 февраля и 1 марта 1953 года договоров о создании Европейского сообщества угля и стали. Возражая против продвигаемой Копецким концепции «национального социализма», Гавел прозорливо замечал и поддерживал развитие по пути наднациональной интеграции, в которое и он позже внес свой вклад.

Вместе с тем в свои шестнадцать лет Гавел испытал на себе – может быть, даже в большей степени, чем иные из его товарищей-подростков, – влияние ереси и судорожных софизмов господствующей идеологии. В упомянутом выше письме Копецкому он даже сверх положенного отдает дань марксистскому пониманию диалектики, спорит с Радимом, утверждавшим, что политическая практика коммунистов знаменует собой упадок их идеологии, соглашается с тезисом о зависимости общественной «надстройки» от «производства» (все это он через сорок без малого лет будет торжественно опровергать в своей речи в американском Конгрессе) и в целом высказывает одобрение социалистическому мировоззрению. Но это нерешительное, шизофреническое одобрение. «То, что было в квадратных скобках [], говорил я-марксист, не я-я»⁷².

К счастью, гуманистический оптимализм не стал конечной точкой в развитии Гавела как философа. Уже в раннем возрасте он с болью осознавал принудительный характер общественного регулирования, особенно в той форме, в какой оно осуществлялось в коммунистических странах, и выступал за свободу самовыражения индивида, насколько это допускала необходимость ограничить его эгоистические инстинкты. При этом Гавел исходил из диалектики и решение усматривал в маловероятном «объединении двух крайностей, монополистического капитализма и марксистского коммунизма». Он ратовал «не за чистый индивидуализм, не за коллективизм, но за <...> индивидуализм с коллективной совестью». В итоге он пришел к еще менее правдоподобному заключению, что «такая система уже постепенно формируется в С.Ш.А. <...> Собственником средств производства не является ни государство, ни отдельный индивид, но те, кто на них работает»⁷³. Не исключено, что к такому выводу, в пользу которого Гавел едва ли мог найти аргументы в тогдашней периодике, его привело чтение классиков американской литературы – от Уолта Уитмена до Джона Стейнбека.

Можно посмеяться над философствованиями шестнадцатилетнего юноши, а можно усмотреть в приведенных строчках доказательство того, что он уже тогда, как и позднее, рассуждал как тайный этатист. Но в контексте того времени он предстает отнюдь не радикалом. Даже социал-дарвинист и моральный нигилист Радим Копецкий признавал необходимость национализации крупных отраслей промышленности и – в известной мере – социального пла-

⁷¹ Dopis Radimu Kopeckému // Archiv Radima Kopeckého. KVH ID 1782.

⁷² Ibid.

⁷³ Dopis Radimu Kopeckému, 12. prosince 1952 // Archiv Radima Kopeckého. KVH ID 1779. Этот пассаж ввиду его контраста с позднейшими мыслями Гавела цитируют Косатик и Кайзер. См.: Kosatík (2006); Kaiser (2008).

нирования. В их дебатах, все более бурных, именно Гавел настаивал на ключевом значении нравственных ценностей, и это убеждение стало константой всей его философии.

При взгляде на эту академию подрастающих изгоев общества, уникальную скорее их искренностью и силой взаимоотношений, чем уровнем творчества, создается прямо-таки трогательное впечатление. Тогда так другие подобные группы тинэйджеров находят драйв в правонарушениях или в употреблении наркотиков, эти кайфовали от Фомы Аквинского, Канта и Гегеля, хотя побудительные мотивы тех и других аналогичны. Гавел в то время выглядит живым, красноречивым, несколько стеснительным юношей, который старается замаскировать свою неуверенность тем, что носит галстук-бабочку и курит трубку. В переписке с членом их группы Иржи Паукертом из Брно и Копецким он предстает довольно властным, склонным настаивать на своем мнении и, как он сам признавался, несколько догматичным.

Эти «грехи», типичные для большинства молодых людей с интеллектуальными устремлениями, в то же время подпитывали любовь Гавела к дискуссиям и превратили его на всю оставшуюся жизнь в неутомимого корреспондента – грозу оппонентов и клад для его будущих биографов. Почти две тысячи писем, хранящихся в Библиотеке Вацлава Гавела, наряду с еще сотнями, если не тысячами, находящимися в других местах, хорошо документируют как константы его мышления и стиля, так и его превращение из заносчивого всезнайки-диалектика молодых лет в постоянно сомневающегося мыслителя-этика периода зрелости.

Самовосприятие Гавела-подростка как «чрезвычайно чувствительного»⁷⁴ способствовало изменению его жизненных планов. Если раньше он видел себя в будущем ученым и исследователем, то теперь его музой стала поэзия. Язык поэзии позволял ему излить чувства, слишком сильные или слишком опасные для того, чтобы выразить их в прозе. К тому же поэзия больше подходила к миру полубогемы, притягивавшего его все больше.

Современной чешской поэзии, которая могла увлечь юношу, было вокруг него в избытке. Двадцатые и тридцатые годы прошлого века в Чехословакии ознаменовались небывалым расцветом поэтического творчества. Тогдашние молодые поэты отчасти отдавали дань модернистским веяниям дадаизма, сюрреализма и других мировых течений, отчасти же черпали вдохновение в произведениях чешских поэтов XIX и начала XX столетия. Многие из них, хотя и не все, активно выступали на левом фланге довоенной политической сцены. Десятки поэтов еврейского и нееврейского происхождения были убиты нацистами во время войны; некоторые бежали из страны до ее начала или сразу после ее окончания. Два крупных поэта, Франтишек Галас и Константин Библ, умерли после захвата власти коммунистами в смертельном ужасе перед монстром, которому они помогали явиться на свет.

Тех, кто знает Гавела исключительно как интеллектуального, ироничного и скупого на проявление чувств эссеиста, драматурга и человека, удивило бы, что в молодости он тяготел к избыточной монументальной образностью поэзии на грани громкой патетики. Возможно, под влиянием таких замечательных поэтов, как Витезслав Незвал (пик его творчества в то время уже был далеко позади, и теперь он славил сталинизм), рано умерший Иржи Волькер, «солдат стиха»⁷⁵ Владимир Маяковский или экстатический гуманист Уолт Уитмен, Гавел пришел чуть ли не к воспеванию коллективистской утопии. Тогда он писал о «слиянии с землей, жгучем втягивании в цепь рук...»⁷⁶, был убежден, что «стих должен гроыхать ритмичным маршем роты равных друг другу солдат, идущих умирать друг за друга»⁷⁷. Правда, на написание строк, которых со временем устыдился бы и менее тонкий человек, его подвигло скорее стремление быть причастным к чему-то большему, чем он сам, нежели осознанное при-

⁷⁴ Dopis Jiřimu Paukertovi, bez data 1953. KVH ID 1514. Хотя это и другие письма ему хранятся в архиве под взятым Паукертом псевдонимом «Иржи Кубен», я привожу фамилию адресата, указанную на конверте.

⁷⁵ Dopis Jiřimu Paukertovi, 4. října 1953. KVH ID 1517.

⁷⁶ Dopis Jiřimu Paukertovi, bez data, srpen 1953. KVH ID 1658. S. 7.

⁷⁷ Ibid. S. 8.

нятие марксистской доктрины. Фразы вроде «Крайний индивидуализм, любование “ночью”, чрезмерная субъективность и внимание к внутренним проблемам – это, по сути дела, болезнь искусства, потому что свои внутренности ощущает только больной»⁷⁸, какие он писал в 1953 году, через тридцать лет могла бы с успехом использовать коммунистическая пропаганда для нападок на автора «Писем Ольге».

В то же время убеждение в том, что истинный поэт должен всегда оставаться верным самому себе, «открыть глаза собственного сердца»⁷⁹, которое Гавел пронес через всю жизнь, уже в молодости помогало ему отличать искусство от пропаганды. Оно послужило ему также надежным компасом в поисках образцов для подражания. Он сумел преодолеть свою робость и благодаря связям родителей был принят несколькими литературными мэтрами. Вначале он посетил Ярослава Сейферта, лирического поэта обманчивой ясности и тонкой образности, который уже давно излечился от опьянения коммунизмом своих молодых двадцатых годов. Сейферт, поэт по натуре и по профессии, обычно не возглавлял протесты против несправедливости, преследований и культурного варварства, но никогда не отказывался поддержать их, если к нему обращались. За юношеское восхищение Гавела он впоследствии воздал тем, что стал нравственно безупречным сторонником и свидетелем его борьбы. Когда в 1984 году Сейферт первым из чехословацких авторов получил Нобелевскую премию в области литературы, официальный политический и литературный истеблишмент в Чехословакии игнорировал эту награду из-за того, что он подписал «Хартию-77». Двумя годами позже госбезопасность нагло вмешивалась даже в его похороны.

Еще больше подействовал на Гавела первый из нескольких визитов к великому магу чешской поэзии Владимиру Голану, который как поэт сочетал в себе пророческий дар с сюрреалистической образностью (хотя он был также автором оды во славу солдат Красной армии, что пришлось освободить Прагу в 1945 году). В то время Голан предавался таинственным медитациям в своей студии на Малой Стране, писал мистические стихи и почти никого не принимал. Встреча с ним дала Гавелу понять, что жизнь в искусстве, а в конце концов и жизнь вообще, быть может, не есть дело нашего выбора, а назначена нам судьбой; позже под влиянием Хайдеггера он называл это «брошенными игральными костями».

Долгие прогулки по Праге и беседы об искусстве и поэзии требовали места, где можно было присесть. «Тридцатишестерочники», еще слишком юные для того, чтобы зайти куда-то на кружку пива, нуждались в относительно спокойной обстановке для дискуссий, и потому они нашли недалеко от дома Гавела (если идти вниз по течению реки) кафе «Славия». Это было первоклассное предвоенное заведение, сопоставимое во всех отношениях с аналогами в Вене и Будапеште, один из центров пражской интеллектуальной жизни. Там они наблюдали, поначалу на почтительном расстоянии, за другой группой интеллектуалов и поэтов постарше, которые дискутировали и спорили так же бурно, как и они сами. Эти люди, хотя и относительно молодые, были преемниками довоенного кружка юных поэтов, наставником которых был Франтишек Галас (самый, может быть, одаренный из них, Иржи Ортен, погиб под колесами немецкой санитарной машины раньше, чем его успели отправить в Терезин или уничтожить в лагере смерти где-то дальше на востоке), и «Группы 42», члены которой во время войны продолжали свою деятельность, публикуясь подпольно или под псевдонимами. Крестным отцом этой группы был блестящий и желчный литературовед и неумолимый критик Вацлав Черный, преследуемый коммунистами за свои неортодоксальные, хотя и социалистические взгляды⁸⁰. Лидером же ее суждено было стать Иржи Коларжу, поэту с пролетарской родословной, кото-

⁷⁸ Dopis Jiřím Paukertovi, 24. října 1953. KVH ID 1520. S. 4.

⁷⁹ Dopis Jiřím Paukertovi, 24. října 1953. KVH ID 1520. S. 4.

⁸⁰ Роль Черного как основоположника группы, которую часто приписывают Иржи Коларжу, подтверждает Зденек Урбанек. См.: Dopis Václavu Havlovi, 3. října 1997. VHL ID 6905.

рый со временем стал настолько не доверять многозначности слов и злоупотреблению ими, что оставил вербальную поэзию и начал самовыражаться посредством коллажей и артефактов, благодаря чему пользовался популярностью и в шестидесятые годы, и позднее, уже в парижской эмиграции. Еще один член общества, собиравшегося за столиком кафе, Зденек Урбанек, переводчик Шекспира, Джойса и других англосаксонских авторов, стал Гавелу другом и советчиком на всю жизнь, хотя был на девятнадцать лет старше его. Тесная дружба связывала Гавела также с Яном Забраной, которого он однажды случайно встретил в гостях у Голана. Забрана был одаренным поэтом и замечательным переводчиком, жизнь которого трагически исковеркало преследование по политическим мотивам и тюремное заключение его родителей. Наряду с другими, такими как автор экспериментальных стихов и переводчик Йозеф Гиршал или художник Камил Лготак, эти люди представляли альтернативный Парнас (подвернувшимся кстати символом которого был находившийся поблизости одноименный ресторан) – по отношению к официальному литературному истеблишменту из штаб-квартиры Союза писателей, расположенной тремя домами дальше. После того как группа «Тридцатишестерочников» распалась, Гавел пересел за стол старших литераторов. ««Славия» – это были мои литературные ясли»⁸¹.

Не менее важно было то, что в «Славии» Гавел познакомился с Ольгой Шплихаловой, молодой актрисой-стажером из пролетарской среды, и вскоре влюбился в нее. Она была на три года старше и поначалу отвергла неловкие ухаживания семнадцатилетнего юнца, но это было не последнее ее слово.

Первого октября 1953 года «Тридцатишестерочники» выпустили первый из «Диалогов 36». Мать Гавела Божена иллюстрировала обложку, а вклад Вацлава составили стихи и эссе «Гамлетовский вопрос» на тему самоубийства, которая неудержимо притягивает подрастающие умы. Гавел так же, как до него Масарик, осуждал самоубийство как отказ от мира естества, частью которого является человек.

Благодаря разветвленной сети семейных контактов Гавел познакомился также со своим первым рецензентом и с двумя видными чешскими философами. Либеральный журналист и писатель Эдуард Валента, прочитав первые поэтические опыты Гавела, поощрил его к дальнейшему творчеству и позволил пользоваться своей обширной библиотекой. Известный ученый-гуманитарий и философ левого толка Й.Л. Фишер, который искренне старался приспособиться к новым условиям, но казался партийным идеологам недостаточно левым и потому быстро терял свой авторитет и влияние, был частым гостем в доме Гавелов. Его дочь Виола Фишера, тогда начинающая поэтесса, присоединилась к брненской секции «Тридцатишестерочников». Второй мыслитель, Йозеф Шафаржик, попавший в окружение Гавела через семью его деда Вавречки, был во многом прямой противоположностью Фишера. Философ-этик, самоучка, он избегал света прожекторов и большую часть своей жизни провел в уединении, совершенно сознательно стараясь не допустить того, чтобы повседневная действительность оказывала влияние на его мышление. В этом своем стремлении он зашел так далеко, что позже осудил лидерство Гавела в «Хартии-77» как ошибочное уклонение от долга мыслителя. Но из названных двоих философов именно он повлиял на Гавела в большей степени.

Летом 1954 года родители Гавела пригласили с дюжину «Тридцатишестерочников» погостить неделю в Гавлове. В разгар летних игр и забав один из них, глубоко верующий Иржи Паукерт, который мало-помалу открывал в себе гомосексуальные наклонности, влюбился в шестнадцатилетнего Ивана. Эта интрига, с одной стороны, переросла в прочную дружбу юного поэта с матерью обоих братьев Боженой, которая явно ощущала потребность взять под свою защиту мятувшегося молодого человека, а с другой – привела к постепенному охлаждению отношений между «Тридцатишестерочниками». Никто не осуждал Паукерта, но, быть может, многие стали понимать, что такие неординарные и разные личности должны идти каждая своим

⁸¹ Dopis z románu Karla Trinkewitze «1472 kroků» // Spisy. Sv. 4. S. 605.

путем. Однако чувство «безоговорочной»⁸² дружбы и взаимной верности, которое их объединяло, они сохранили на всю жизнь. Гавел не терял связи и переписывался с Паукертом, которого он считал своим ближайшим «собратом по литературе»⁸³, Копецким и Виолой Фишеровой, а кроме того крепко сдружился с примкнувшим к группе позднее Йозефом Тополом, будущим драматургом. Став президентом, Гавел вручил членам группы «Тридцатишестерочников» высокие награды в качестве запоздалой оценки их творчества.

В 1956 году под влиянием речи Ярослава Сейферта на съезде Союза чехословацких писателей двадцатилетний Гавел совершил свою первую вылазку в мир официальной литературы – сначала в статье «Сомнения относительно программы»⁸⁴, опубликованной в литературном журнале «Кветен», а затем в выступлении на семинаре молодых писателей в переданном Союзу писателей замке Добржиш (который вполне можно назвать характерным для той эпохи символом обрастания литературного истеблишмента атрибутами барственности) Гавел, как до него Сейферт, просил принять изгнанных писателей, среди которых многие были завсегдатаями «Славии», обратно в Союз чехословацких писателей. Однако его слова упали на неподходящую почву.

Но не все эскапады Гавела в середине пятидесятых годов имели интеллектуальный характер. К большому неудовольствию своей матери, он пристрастился к ночной жизни и начал шататься по барам и пабам с друзьями, разделявшими это пристрастие, каким был, например, довольно темный тип, скандалист и денди Владимир Вишек, впоследствии более известный как писатель Теодор Вилден⁸⁵. Гавел, видимо, сам пытался разыгрывать аналогичную роль, носил «кок» – нечто наподобие нынешнего «ирокеза», галстук в крапинку с большим узлом, туфли с задранными острыми носами, которые назывались «мадьярами», полосатые носки, брюки с сужающимися книзу штанинами до щиколоток, чтобы видны были носки, и пиджак с разрезами⁸⁶. На языке того времени – стилига да и только! Он ходил в танцклуб, что прочно ассоциировалось с буржуазным воспитанием, и там пытался, поначалу без успеха, сблизиться с представительницами противоположного пола.

Позднейшее творчество Гавела заметно отличается от его ранних опытов периода «Тридцатишестерочников». Сравнив себя с более яркими поэтическими дарованиями, такими как Иржи Паукерт или Виола ФишEROVA, он со временем отказался от дерзаний на поприще поэзии. Отверг он как в корне неверные и свои ранние философские опыты. Путь к высшему образованию в области искусств или философии ему преграждало не то происхождение. Но это было не самое главное. Благодаря «Тридцатишестерочникам», столу в «Славии» и своим собственным усилиям Гавел сделался неотъемлемой частью пражского интеллектуального мира, точнее – его теневого, инакомыслящего, богемного «подполья». И он, чем бы ни занимался в будущем, всегда оставался верен ему.

⁸² Věra Linhartová v rozhovoru s Martinem C. Putnou, 29. března 2010. Archiv KVH.

⁸³ Dopis Františku Pressovi, 1. září 1957, neodeslaný. KVH ID 17628.

⁸⁴ Spisy. Sv. 3. S. 54–59.

⁸⁵ Rozhovor s Theodorem Wildenem, Londýn, 18. června 2012.

⁸⁶ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, farma Košík, 20. srpna 2012.

Бравый солдат Гавел

Эту войну мы безусловно выиграем, еще раз повторяю, господа!
**Ярослав Гашек. Похождения brave солдата Швейка во время
мировой войны**

Осенью 1957 года Гавел написал примечательный документ на семи страницах под пугающим названием «Распоряжения моим близким»⁸⁷. Его содержание, отнюдь не столь драматичное, как заглавие, характеризует Гавела как исключительно аккуратного и ответственного, даже чуть педантичного молодого человека. Эти качества остались у него на всю жизнь. «Распоряжения» – прежде всего перечень взятых у него и не отданных книг – могут служить исследователям-«гавеловедам» ценным источником, позволяющим воссоздать круг его чтения, а также круг друзей и знакомых. Среди авторов, чьи имена старательно подчеркнуты волнистой линией, поэты Иван Блатный, Владимир Голан, граф де Лотреамон, Анна Ахматова, Эдгар Аллан По, Шарль Бодлер, Рихард Вайнер, Иржи Ортен и прозаики Луи-Фердинанд Селин, Синклер Льюис, Лев Николаевич Толстой и Эгон Гостовский. В списке должников – «тридцатшестерочники» Иржина Шульцова, Виола Фишера, Петр Вурм, Владимир Вишек, Иржи Паукерт и Иван Гартманн, писатели Ян Забрана, Иржи Коларж и Ян Гроссман, однокашник и товарищ по школе в Подебрадах Милош Форман, Ольга Шплихалова, которая в итоге стала-таки его подругой, и некто по имени Карл Маркс. Так же тщательно Гавел записал собственные долги перед друзьями и библиотеками. Третья часть под скромным названием «Мои сочинения» содержит указания, как хранить и распространять пока еще подающийся измерению объем рукописных стихотворений и эссе Гавела. В четвертой части он просит дядю Милоша по возможности прислать ему из Мюнхена, из эмиграции, «1) полупальто, 2) штаны техасы и 3) швейцарский атлас кинозвезд и кинорежиссеров...»⁸⁸ В пятой части Гавел поручает своим близким (под каковыми, вероятно, подразумевается семья и, в частности, его мать Божена, которая, как видно из ее пометок от руки на полях документа, большинство из этих указаний выполнила) либо продать его мокасины, либо отдать их в починку⁸⁹.

Уже из этих двух частей «Распоряжений» ясно, что Гавел не страдал ни от какого серьезного заболевания и не помышлял о самоубийстве. Последняя часть, в которой он велит семье «мою берлогу сохранить в том виде, в каком я приготовил ее к двухлетней спячке»⁹⁰, проливает окончательный свет на то, о чем идет речь. В пору литературных дебютов и увлечения философией экзистенциализма у Гавела были и подлинные экзистенциальные проблемы. Окончив школу, он несколько раз пытался поступить в университет по специальности, связанной с гуманитарными знаниями или искусством, но из-за буржуазного происхождения его никуда не брали. Однако главной и вместе с тем недостижимой – несмотря на советы и помощь молодого преподавателя сценарного мастерства Милана Кундеры⁹¹ – целью было попасть на факультет кинематографии Академии искусств, где уже учились его старшие однокашники по Подебрадам Иван Пассер и Милош Форман.

⁸⁷ KVH ID17725.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ На полях пометка: «Починили, насколько удалось» // KVH ID17725.

⁹⁰ KVH ID17725.

⁹¹ В «Заочном допросе» (См.: Spisy. Sv. 4. S. 728) Гавел специально отмечает роль Кундеры, опровергая «глупость» насчет его якобы личной вражды с Кундерой из-за их спора о «чешской доле» в 1970 году. Тем не менее отношения между этими двумя самыми известными в мире чешскими авторами оставались напряженными по не вполне понятным причинам.

Поскольку грозившая перспектива отправиться на два года в армию была ему не по душе, Гавел «от отчаяния»⁹² подал заявление в Высшую экономическую школу на отделение экономики транспорта, куда «брали всех»⁹³ и куда юного интеллектуала, интересовавшегося экономикой столь же мало, как и транспортом, все же приняли. Но такие предметы, как «гравий», были ему до смерти скучны, и когда, как и следовало ожидать, окончилась неудачей очередная попытка перейти с гравия на кинематографию, он ушел из института и все равно попал в армию.

Произошло это не без борьбы. После того как заявление о переводе на факультет кинематографии Академии искусств было отклонено и Гавел тем самым потерял право на отсрочку от военной службы, он попытался симулировать перед призывной комиссией «депрессивную психопатию»⁹⁴, которой при обычных обстоятельствах хватило бы для «белого билета». Однако продемонстрированное им актерское мастерство не произвело на комиссию ни малейшего впечатления. Армейский политрук заявил, что «Гавел пойдет в армию, даже если у него не будет одной ноги»⁹⁵. Через месяц его и вправду призвали.

Тем же утром в конце октября 1958 года с пражского Главного вокзала уезжал в армию рослый молодой человек по имени Андрей Кроб. «В проходе я встал у одного окна, Вацлав, которого я не знал, у другого <...>, а перед его окном стояла такая красавица, что просто глаз не оторвешь, и вот я глянул, чья же это такая красавица, а там стоял такой пухлый медвежонок, и я подумал: почему этот мир такой несправедливый?»⁹⁶

Хотя их дружба началась только после возвращения из армии, Кроб не мог не заметить Гавела в Пятнадцатом саперном полку из-за его «образцовой, строго по уставу, формы»⁹⁷. Впоследствии они и Ольга (это и была та красавица) стали неразлучными друзьями, соседями и коллегами по работе.

Если Кроб был в целом готов принять то, что его ждет, Гавел переносил военную службу с трудом. Будучи человеком с исключительно устойчивыми привычками, он страдал от того, что внезапно лишился друзей, книг и времяпрепровождения в кафе. «Мне грустно, и я несчастлив», – написал он Паукерту, едва очутившись в армии⁹⁸. Кроме того, призыв на военную службу он расценивал как свой жизненный проигрыш, что можно понять только в контексте «постоянных упреков», которые ему приходилось выслушивать дома, упреков, что он «неудачник»⁹⁹. Гавел не сообщает, от кого исходили эти упреки, но можно с уверенностью предполагать, что не от отца. Вместе с тем перед лицом превратностей судьбы он демонстрировал упрямство, оптимизм и стойкость – качества, которые оченьгодились ему во множестве ожидавших его жизненных испытаний. «Признаю, что на некотором этапе своей жизни я в каком-то смысле проиграл, но, во-первых, не надо напоминать мне об этом по тридцать раз на дню, а во-вторых, я не считаю, что проиграл всю свою жизнь. Это смешно!»¹⁰⁰

Служба в чехословацкой армии в пятидесятые годы прошлого века ни для кого не была медом, а для сына классового врага – уж тем более. Несмотря на это, Гавелу в целом повезло. Три годами раньше его отправили бы в один из вспомогательных технических батальонов, которые были созданы специально для капиталистического отребья и прочих нежелательных элементов, таких как священники или цыгане, где он служил бы без оружия и терпел всевоз-

⁹² Spisy. Sv. 4. S. 730.

⁹³ Ibid. S. 731.

⁹⁴ Jiřímu Paukertovi, 18. září 1957. KVH ID1610.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Rozhovor s Andrejem Krobem a Annou Freimanovou, 21. října 2012.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Jiřímu Paukertovi, 1. listopadu 1957. KVH ID1614.

⁹⁹ Jiřímu Paukertovi, 25. září 1957. KVH ID1611.

¹⁰⁰ Ibid.

можные унижения. В 1957 году с ним обошлись уже несколько лучше и прикомандировали к саперному полку, который, впрочем, рассматривался как одна из первых жертв ожидавшегося ядерного пожара. Повезло ему и в том, что здесь он нашел родственную душу в лице Карела Брынды, вместе с которым основал в казармах любительский театр. Жизнь кого бы то ни было представляется более осмысленной при ретроспективном взгляде, чем когда она разворачивается от начала к концу. Некоторые из биографов Гавела считают его театральный дебют в армии органичной составной частью его творческого роста. Но сам Гавел отрицал это, утверждая, что причины, побудившие его заняться театром во время службы в армии, были куда прозаичнее. Он ненавидел однообразие и тупость воинской муштры, и особенно несносно ему было таскать вверенный его попечению тяжелый гранатомет. Конечно, он понимал, что подерживаемая армейским начальством культработа призвана повысить уровень идейного самосознания рядовых срочной службы и укрепить их дух для грядущих битв, что, безусловно, не входило в его намерения. Но он готов был пойти на что угодно, лишь бы спастись от скуки.

Поэтому он прибегнул к классической чешской уловке, увековеченной Ярославом Гашеком в романе о храбром солдате Швейке, который обводит вокруг пальца всю махину австро-венгерской армии, восторженно изображая, будто он святее папы римского, и выполняя каждый бессмысленный приказ или поставленную задачу с таким энтузиазмом и горячностью, что в самой армии его признают негодным к строевой службе по причине идиотизма.

С таким же энтузиазмом и горячностью Гавел и Брында занялись постановкой пьесы «Сентябрьские ночи» видного молодого коммунистического драматурга Павла Когоута. Интрига этой драмы напоминает телесериал. Хорошо зарекомендовавший себя молодой офицер совершает вполне объяснимый, но не извинительный проступок, отправившись без увольнительной в город, чтобы навестить в роддоме свою беременную жену. Но, хотя честлюбивый и бескомпромиссный политрук докладывает о его проступке и осуждает его, офицер в конце концов избегает наказания благодаря своевременному заступничеству по-отечески расположенного к нему командира. Примечательным во всем этом действе было то, что режиссер Гавел сам сыграл роль не размышляющего амбициозного фанатика. Судя по всему, этот отрицательный персонаж получился у него таким убедительным, что его настоящий командир, по видимому, не отличавший *Dichtung* от *Wahrheit*¹⁰¹, в наказание лишил его почетной должности гранатометчика. Для Гавела же это было неожиданное поощрение.

Сомнительный успех этой постановки и избранной тактики настолько воодушевил обоих начинающих театральных деятелей, что они сели сочинять собственную драму. Хотя Гавел нигде открыто не говорит об этом, вероятно, они пришли к выводу, что если такую чушь может написать признанный мастер, то им это тоже по плечу. В их пьесе «Жизнь впереди»¹⁰² встретились храбрый солдат Швейк и «Монти Пайтон». В ней на полном серьезе описывается, как молодой солдат уснул во время караула, а другой по ошибке застрелил нарушителя из его оружия. Уснувшего солдата после этого чествуют и награждают как героя. Перед ним открываются блестящие перспективы, но он не может смириться с мыслью, что поступил бесчестно ради своей выгоды, и в итоге признается в своем проступке.

Находятся такие, кто усматривает в этой нелепой интриге ранний зародыш будущей «жизни в правде»¹⁰³. Будь оно действительно так, это был бы единственный случай применения такого принципа в драматургии Гавела, где «правду» неизменно поджидают повороты, на которых она предстает куда более сложной и менее однозначной. Скорее это было просто «ловкачество»¹⁰⁴. Сам Гавел называл эту пьесу «полуколлаборантской»¹⁰⁵. Сравнивать «Жизнь впе-

¹⁰¹ «Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben» («Поэзия и правда: из моей жизни») – автобиографическое сочинение И.В. Гете. – *Прим. пер.*

¹⁰² 1959. KVN ID7110. В вольной обработке под названием «Мельницы» эту пьесу поставил театр «Склеп» в 1994 г.

¹⁰³ См., например: Rocamora (2004). S. 23.

¹⁰⁴ Karel Brynda, цит. по: Keane (1999). S. 145.

реди» с «Праздником в саду» и «Уведомлением», отыскивая в них «черты сходства» и «борьбу за тождество личности»¹⁰⁶, представляется некоторым преувеличением.

Швейковская история не могла закончиться иначе как фарсом. Пьеса о «настоящей» солдатской жизни, написанная «настоящими» солдатами, пользовалась изрядным успехом на ежегодном Смотре армейского творчества молодежи и попала на общенациональный смотр в Марианских Лазнях прежде, чем кто-то обратил внимание на сомнительные персональные данные обоих авторов и заподозрил, «что мы издеваемся»¹⁰⁷.

Сюжет «Жизни впереди» повторило последовавшее дисциплинарное разбирательство. Армейское начальство не могло открыто осудить пьесу об уснувшем на посту часовом как пародию, написанную двумя злонамеренными враждебно настроенными вредителями, так как этим она изобличила бы сама себя в том, что уснула на посту. В итоге было найдено идеологически правильное решение – объявить, что этот добросовестный в остальном драматический опыт грешит недостатком достоверности: немыслимо, чтобы истинно социалистический солдат, каким был главный герой, уснул на своем посту! Пьесу осудили как «антиармейскую», но более суровому взысканию авторов не подвергли. Гавел и Брында не без удовольствия провели неделю в элегантных Марианских Лазнях, разглядывая красивых девушек.

Но ни тогда, ни потом никто не обратил внимания на ироническую нотку уже в самом названии пьесы. Нарушитель, *deus ex machina*, который невольно привел в действие всю эту «комедию ошибок», мертв. Для него никакой «жизни впереди» уже нет.

Как ясно из «Распоряжений моим близким», мечтой и целью Гавела в те годы по-прежнему было пойти по стопам своего дяди и прославиться в кино. Может быть, затем, чтобы его документы перед очередными приемными экзаменами на факультет кинематографии Академии искусств выглядели лучше, он написал, опять-таки в соавторстве с Брындой, сценарий для среднетражного фильма под названием «Такая служба»¹⁰⁸. В отличие от «Жизни впереди» это вполне традиционная любовная история солдата-срочника, который заводит в гарнизонном городке интрижку с наивной студенткой, не предполагая, что дома за его девушкой тоже приударяет бывший ухажер. Если и есть в этой истории какая-то мораль, то разве только такая: что может делать один, то может делать и другая. Тем не менее к герою, несущему тяготы военной службы, автор явно подходит с более мягкими мерками, что говорит о его некоторой предвзятости в вопросе равенства полов.

Сценарий, кроме прочего, свидетельствует о все более сильной привязанности Гавела к Ольге и о чувстве неуверенности, которое он испытывал в эти два года разлуки. Ее приезды, о которых он упоминает в корреспонденции тех лет, не могли заменить ежедневного общения. Ни одного письма его к ней или ее к нему того периода до нас не дошло. Правда, Ольга ни тогда, ни позже писать не любила, да и мать Вацлава, которая тщательно сохраняла всю его корреспонденцию, возможно, была не столь аккуратна в отношении писем «этой девицы». Гавел, ни на минуту не расстававшийся с Ольгой, когда его раз в год отпускали на побывку, говорит о «бурных протестах», какие это вызывало дома¹⁰⁹. Тем не менее горячую любовь обеих женщин к молодому бойцу подтверждает их готовность заключать перемирия ради того, чтобы в воскресенье вместе навестить его в казармах.

Как ни восхищало его кино, Гавел в армии начал читать и пьесы. Эдгар Ли Мастерс, Эдгар Аллан По и граф де Лотреамон уступили место Артуру Миллеру, Эжену Ионеско и

¹⁰⁵ Jiřímu Paukertovi. KVH ID1619. Письмо датировано 17 марта 1958 г., но, судя по контексту («Уже только 219 дней!»), написано в 1959 г.

¹⁰⁶ Keane (2004). S. 147–148.

¹⁰⁷ Dálkový výslech. S. 737. Здесь и далее цит. по: Гавел В. Трудно сосредоточиться: Пьесы / пер. С. Скорвида. М.: Художественная литература, 1990.

¹⁰⁸ Scénář. 1958. KVH ID17627.

¹⁰⁹ Jiřímu Paukertovi, 21. Prosince 1958. KVH ID1623.

Сэмюэлю Беккету. Для Гавела было очевидно, что коммунисты рассматривают киноиндустрию (примерно так же, как почту, энергетику и железные дороги) в качестве стратегической отрасли и его шансы поступить на факультет кинематографии ничтожны, и потому решил в следующий раз попытать счастья на театральном. Свой штурм оплота муз он спланировал весьма хитроумно, учитывая все мелочи, как и положено истинному стратегу. Перед экзаменационной комиссией он предстал в парадном обмундировании, как будто специально для того, чтобы профессор Дворжак спросил, почему у него нет значка отличника боевой и политической подготовки. Затем он попытался ошеломить комиссию, демонстрируя знание четырех законов марксистской диалектики на примере разбора пьесы турецкого драматурга Назима Хикмета, который ни о чем подобном скорее всего не имел ни малейшего понятия, и остался доволен впечатлением, какое это произвело на ряд самых твердокаменных товарищей¹¹⁰. Но, несмотря ни на то, что экзамены, к которым его готовили признанный литературный критик Ян Гроссман, ученик Вацлава Черного, и Милан Кундера, он сдал хорошо, и несмотря на лихорадочные усилия родителей, даже написавших ходатайство за него на имя самого президента Готвальда, Гавела опять не приняли¹¹¹. Из армии он вышел таким же, каким пришел туда: неудачником без образования и без перспектив – не считая «бурных протестов», ожидавших его дома. Единственным лучом света в темном царстве была для него Ольга, которая, вопреки мрачным предчувствиям из киносценария «Такая служба», все это время оставалась ему верной и ждала его возвращения.

---

¹¹⁰ D álkový výslech // Spisy. Sv. 4. S. 759.

¹¹¹ Уже став успешным драматургом, Гавел наконец смог поступить на заочное отделение театрального факультета Академии искусств. Без особого интереса к учебе он окончил его в 1966 г.

Ольга

*Время их обратило в миф, и верность в камне – хоть едва ли они
такой себе желали – в их герб посмертный, подтвердив, что голос внутри
нас не лжёт: нас лишь любовь переживет.*

Филип Ларкин. Надгробие Арунделов

Вацлаву Гавелу не было еще и семнадцати, когда он встретил женщину своей жизни. Позднее он полюбил Дагмар Вешкрнову и после смерти Ольги женился на ней. Потом у него было еще несколько любовных романов, и он старался понравиться многим другим женщинам, а они – ему, но Ольга была его «главной опорой»¹¹², спутницей всей его жизни, его совестью, первым читателем, непоколебимым защитником и строжайшим критиком в течение полувека. Их отношения, пережившие недовольство его матери, беды, кризисы, измены, преследования и тюремное заключение, не поддаются оценке исходя из каких бы то ни было критериев, и в конце концов сделались критерием сами по себе. Влияние, которое Ольга оказывала на Гавела (а он – на нее), было настолько сильным, что трудно даже представить себе, как он мог бы стать тем, кем стал, без нее. Упорство, с каким молодой поэт добивался ее взаимности, несмотря на разницу в возрасте (Ольга была на три года старше), разное социальное происхождение (она выросла в Жижкове, районе Праги, который отличала не столько бедность, сколько гордый пролетарский нрав) и долгую разлуку, говорит о том, что в глубине души он, должно быть, предчувствовал, какой незаменимой она для него станет.

Впервые они встретились в кафе «Славия» – расположенной на берегу Влтавы Мекке богатых вдов, многообещающих актеров и литераторов-нонконформистов (конформисты собирались в Клубе писателей тремя домами дальше, где действовали спецрасценки на еду и выпивку). Обстоятельства их встречи были прозаическими. В лаборатории Гавел подружился с коллегой – лаборанткой Зденой Тихой – и, судя по стихам, на которые она его тогда вдохновила, даже в какой-то степени влюбился в нее. Отношение Здены к Гавелу было, видимо, тоже неоднозначным. Так и не став его девушкой, она познакомила его в «Славии» с двумя своими подругами по театральным курсам, которые она посещала. Одной из этих подруг была Ольга Шплихалова¹¹³.

Гавел сразу же заинтересовался Ольгой, но саму ее он поначалу привлекал не слишком. Он был незрелым, робким, полноватым, тогда как у нее уже имелся серьезный кавалер, стажер театра и студент театрального факультета Академии искусств. Гавел, однако, не сдавался, и спустя три года они начали встречаться. Раньше, похоже, у него ни одной женщины не было. Ольга ему тогда сказала: «Нелегко тебе со мной будет!» – и вскоре поняла, что ей с ним будет еще труднее¹¹⁴.

Что Гавел нашел в ней? В интеллектуальном отношении Ольга не была ему ровней: просвещал ее главным образом он. Она не вращалась в сколько-нибудь влиятельных кругах и не могла представить его интересным людям и известным деятелям искусств. У нее было красивое, выразительное лицо, обаятельная улыбка и густая, чуть взъерошенная копна темных волос, но по меркам того времени ее нельзя было назвать исключительно привлекательной. Из-за производственной травмы она лишилась кончиков двух пальцев на правой руке и часто прятала ее в перчатке. Не умела кокетничать и льстить и не считала нужным притворяться ради социальных условностей.

---

¹¹² D álkový výslech, Spisy. Sv. 4. S. 862.

¹¹³ Rozhovor se Zdenou Pospíchalovou // Freimanová (2013). S. 60.

¹¹⁴ «Žádná harlekýnka», rozhovor s Olgou Havlovou // Wilson (2011). S. 143.

Была она прямая как линейка и без колебаний высказывала свое мнение, когда ее об этом просили, а часто и когда не просили. Тех, кто с ней столкнулся впервые, ее резкая прямота порой смущала. Но те, кто узнал ее поближе, понимали, что в этом не было никакой агрессии или стремления ставить себя выше всех либо принижать других – просто ей была присуща какая-то невероятная деловитость, какая мало у кого проявляется так последовательно и откровенно. Еще примечательнее было то, что ее суждения и ощущения, касавшиеся других, как правило, оказывались верными. По-видимому, именно ее бескомпромиссная честность и пренебрежение условностями и привлекали в ней Гавела. Он был в полушаге от того, чтобы сделаться бунтарем, и больше нуждался в такой закаленной подруге, чем в какой-нибудь дебютантке из добропорядочной семьи.

А что нашла в нем она? Возраст, фигура и картавость не делали его идеальным парнем. Если многие считали Ольгу внешне незаурядной, то едва ли кто-то охарактеризовал бы так Вацлава. Его интеллектуальный голод и знания, конечно, не могли не подействовать на собеседницу, однако это были не совсем те качества, которые делали бы его надежным партнером в суровых недрах Жижкова. Но они походили друг на друга тем, что ни в одном из них не было ни капли непостоянства и поверхностности. Точно так же, как Ольга, Гавел в свои девятнадцать лет уже производил на окружающих впечатление (хотя совсем иначе, будучи мягче и обходительнее) тем, что по-настоящему верил в то, что говорил. И к этому еще добавлялась некая непоколебимая идеалистическая надежда, некая простота, граничащая с наивностью, нечто почти детское и легкоранимое, вроде веры, что добро можно изготавливать на фабрике. Ольга могла такое понять: в родной семье ей с детства пришлось заботиться о малышах, и она делала это с врожденным опекунским инстинктом любящей, хотя и строгой матери. Поэтому она должна была сразу же заметить и неуверенность этого юноши, и его слабость, и глубокую душевную потребность быть любимым. Если он выбрал ее как свою ученицу, то она его – как своего воспитанника. Было бы упрощением толковать часто высказывавшееся наблюдение их общих друзей, будто «Ольга состояла при нем скорее в роли матери, чем жены»¹¹⁵, в духе дешевой психологии популярных глянцевого журналов. На самом деле Гавел ни в коей мере не стремился повторять свои отношения с матерью. Хотя и верно то, что как человек, «выросший в крепких любящих объятиях властной матери», он нуждался в том, чтобы рядом с ним была «энергичная женщина, которую он мог бы все время о чем-то спрашивать и вместе с тем все время ее немного побаиваться»¹¹⁶. Но он искал также женщину, готовую уделять ему исключительное внимание и безусловно ему преданную, чего Божена, которая души не чаяла в Иване, дать ему не могла. В каком-то смысле он искал мать, которой у него никогда не было.

Кроме того, они оба были изгоями, причем она, в отличие от него, изгоем добровольным. В окружавшей их социальной реальности не было ничего такого, что привлекало бы их внимание или что они находили бы стоящим их внимания. «Главным опытом своего поколения я считаю то, что мы сполна испытали на себе воплощение коммунистического представления о социализме и выработали принципиальное и, как никогда ранее <...> обдуманное отношение к нему, к сожалению, по большей части негативное»¹¹⁷. Их развитому чувству справедливости и честности должны были претить жестокость, чванство и лицемерие господствующей идеологии. И хотя Ольга благодаря своему пролетарскому происхождению не столкнулась бы на пути к высшему образованию с такими препятствиями, как Вацлав, она сама решила не вступать на него. Возможно, она поняла, что такое образование было бы несовместимо с воспитанием, которое она получала за столиком кафе «Славия». В своем сопротивлении внешнему миру они оба научились держаться друг друга, зависеть друг от друга и безоговорочно верить друг другу.

¹¹⁵ Rozhovor s Andrejem Krobem, 21. Října 2012.

¹¹⁶ Dálkový výslech. S. 863.

¹¹⁷ Dopis Jiřímu Paukertovi, poštovní razítko 28. srpna 1958. KVH ID1622.

Ширящийся круг друзей Гавела из числа «Тридцатшестерочников» и литераторов, собиравшихся в «Славии», постепенно принял Ольгу и полюбил ее. Не блиставшая в отличие от многих других интеллектуальным остроумием, она тем не менее так прочно стояла ногами на земле, что все питали к ней величайшее уважение и постоянно опасались, что Ольга укажет им их истинное место, а то и изобличит в них шарлатанов.

К Ольге в целом благосклонно отнесся и отец Вацлава. Это был в общем-то простой человек, которого смущало его некогда привилегированное положение в обществе, хотя он и не стыдился прошлого так, как сын, и новая девушка Вацлава его в принципе устраивала. В любом случае он уважал выбор сына. Божена, напротив, была далеко не в восторге. Может, как провинциалка в большом городе, она острее чувствовала потребность держаться за свое положение как за некую надежную опору. Не исключено, что отчасти она была снобом. Ей не нравились простота и прямота Ольги, ее семья, ее пролетарский акцент и необразованность. Наверняка она видела на ее месте девушку «из приличной семьи», какой была, к примеру, прелестная Яна, дочь философа Яна Паточки, весьма почтенного человека, иной раз захаживавшего к Гавелам¹¹⁸. Правда, некоторые обмолвки Вацлава дают понять, что в отношении его избранницы у Божены возникали довольно серьезные подозрения: мол, эта честолюбивая авантюристка вначале вылепила из ее неудачника-сына успешного молодого человека, а теперь этим пользуется. Но даже если бы Ольга хотела разделить с ним успех, в котором была и ее заслуга, вряд ли это было достаточным основанием для того, чтобы метать в нее громы и молнии¹¹⁹.

Божена, несомненно, желала своему сыну добра; возможно, ее огорчало, что у него не было постоянной подруги, особенно после того как Иржи Паукерт безрассудно – впрочем, и безответно – влюбился в ее младшего сына Ивана. Дух дяди Милоша определенно витал в воздухе. Если бы Ольга умела хоть немного обхаживать почтенную матрону, показывая, как высоко она ценит ее расположение и советы, все могло сложиться иначе. Но этого от Ольги никак нельзя было ожидать, хотя она изо всех сил и старалась поддерживать с пани Гавловой хорошие отношения. Однако это давалось нелегко: ведь молодая пара теперь уже большую часть времени проводила в «берлоге» Вацлава в квартире на набережной. Возникла классическая ситуация соперничества между двумя сильными женщинами, матерью и возлюбленной, борющихся за одного мужчину.

Впрочем, борьба эта с самого начала была неравной. Гавел уважал мать и заметно робел перед ней, но вместе с тем обнаруживал стремление к независимости, которое побуждало его восставать против ее авторитета. А Ольга знаменовала собой апофеоз этого бунта. Как ни опасался он, что своим выбором разочарует мать, еще больше он боялся, что разочарует Ольгу, а больше всего – что изменит самому себе. Женитьба на Ольге была для него проявлением «элементарной человеческой гордости и веры в себя, какой у меня по существу никогда не было»¹²⁰. Когда по его предложению они заключили 9 июля 1964 года гражданский брак, Гавел не уведомил об этом родителей. Спустя пять дней он известил о свершившемся событии отца – письмом, отправленным с безопасного расстояния, из гостиницы «Меран» в Перштейне-над-Огржи близ Карловых Вар, куда новобрачные отправились в свадебное путешествие. Судя по всему, он предоставил отцу и Ивану самим сообщить эту новость матери.

В письме отцу, диаметрально отличающемся от знаменитого письма Кафки полным отсутствием какой-либо горечи и обвинений, Гавел описывает – может быть, больше для самого себя и для матери, чем для адресата, – причины, побудившие его вступить в брак, и свои чувства к Ольге после восьми лет их совместной жизни. Оно напоминает скорее сводку выгод

¹¹⁸ Rozhovor s Ivanem M. Havlem, 20. srpna 2012.

¹¹⁹ Dopis Václavovi M. Havlovi, 14. července 1964 // Freimanová (2013). S. 12.

¹²⁰ Ibid. S. 9–10.

и издержек, нежели страстное воспевание любимого существа, что, однако, говорит также о серьезном и ответственном отношении к принятому решению. Главная причина – это просто констатация факта: «мы с ней понимаем друг друга, и мне с ней хорошо»¹²¹. Гавел никак не развивает этот тезис; вместо этого он признается в иных мимолетных влюбленностях и «телесной благосклонности других женщин», но это его «никогда не отвлекало от Ольги, а наоборот, всякий раз привлекало к ней: я снова и снова осознавал, как мало значат такие постельные дела в сравнении с настоящим и постоянным взаимопониманием и контактом двоих людей»¹²². Ольга, признает Гавел, «не является и, наверное, никогда не станет профессором в Гарвардовом (так!) университете»¹²³, но она привносит в их отношения «немалую толику здорового, естественного, нормального человеческого начала <...> немалую толику здорового, непосредственного и неиспорченного понимания жизненных и творческих ценностей, немалую толику изначального и даже неприятно откровенного, естественного разума при оценке всех пропорций окружающего меня мира»¹²⁴.

И здесь, и в иных случаях, когда речь идет о противоположном поле, интеллектуальное прикрытие Гавелом своей позиции не слишком убедительно. Он предстает человеком, всецело принадлежащим своему поколению и своей среде, человеком, который диктует условия отношений, не принимая во внимание взгляды и чувства другой стороны. Не приходится сомневаться в том, что Ольга – хотя она и принимала эти условия как, по-видимому, единственный способ удержать при себе мужа – предпочла бы, чтобы чувство Гавела к ней было более глубоким и безраздельным. Однако осуждать Гавела как обычного мужского шовиниста значило бы впасть в дешевое внеисторическое морализаторство. В конце концов отношения лучше всего проверяются по тому, насколько они выдерживают испытание временем; отношения Вацлава и Ольги выдержали целых пятьдесят лет: подобным могут похвастаться лишь немногие.

Обычно в счастливых парах один такой же, как второй; отличительным признаком является именно парность. В то же время двое могут страстно любить друг друга, каждый по-своему и часто с катастрофическими последствиями, но так и не создать пару. Супруги Гавелы, безусловно, были именно парой, пусть в некоторых отношениях и необычной и несовершенной. Их «парность», которую они нередко выказывали при посторонних, вступая друг с другом в ожесточенные споры, в те мгновения, когда они оставались одни и читали каждый свою книгу или занимались каждый своим делом, как будто, казалось бы, не беря в расчет присутствие второго, принимала вид разделяемого обоими тихого покоя. «Ольга!» – просительно звал Гавел, когда какое-либо дело выходило за рамки его возможностей или когда его «теряла» очередная вещь, которую он искал¹²⁵. «Вашек!» – подавала голос Ольга, натываясь на очередную гадость в газете «Руде право» или замечая, что поблизости шныряет очередной гебист, изображающий из себя Джеймса Бонда. Когда Гавел в Градечке уединялся в своем кабинете с окнами во двор, Ольга превращалась в неумолимую стражницу, отгонявшую всех непосвященных. Утром же следующего дня она становилась его первой читательницей, и он нервно курил одну сигарету за другой, ожидая женой похвалы. Какие-то пары не выдерживают страданий, какие-то – успеха, но для Гавелов то и другое было только лишним поводом сплотиться и продемонстрировать миру непреступный защитный вал. Но какими бы прочными ни были их отношения, Ольга всегда оставалась столь же категорически независимой, как он, а может быть, даже в большей степени, чем он. Пока Вацлав находился в тюрьме, Ольга была его верными глазами и ушами, его курьером, менеджером и поставщиком двора, но отказывалась вести себя как

¹²¹ Ibid. S. 12.

¹²² Dopis Václavovi M. Havlovi, 14. července 1964 // Freimanová (2013). S. 12.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid. S. 13.

¹²⁵ Гавел придерживался оригинальной теории, согласно которой не люди теряют вещи, а вещи – людей.

печальная вдова, а занималась своими делами в своем собственном кругу. Точно так же, когда Гавел стал президентом, она, как положено, появлялась рядом с ним по торжественным случаям, во время приемов и зарубежных поездок, но ни в коей мере не желала работать «первой леди» на полную ставку и проводить дни в бессодержательных светских беседах, которые были ей так же милы, как волку клетка. А заболев, она не захотела выставлять свою боль и страдание на обозрение всему народу и умирала так же, как жила, в гордом уединении. Это парадоксальным образом вызвало самую большую волну всенародной скорби со времени самосожжения Яна Палаха в 1969 году. Ольга была скалой, и Гавел не мог не понимать этого уже тогда, когда писал письмо своему отцу.

Ученик

*Смотри на всякий выход, как на вход куда-то.
Том Стоппард. Розенкранц и Гильденстерн мертвы*

После возвращения из армии Гавел во многих отношениях находился в более выигрышном положении, чем большинство его современников, хотя в ближайшей перспективе великое будущее его не ожидало. У него были цель в жизни, верная подруга, жилье и родители, пусть уже давно не богатые, которые все еще могли его поддерживать. Однако он нуждался в работе, а так как в кинематографе для него места не нашлось, наилучшей альтернативой показался театр. С помощью отца он устроился рабочим сцены в пражский театр АВС, над высококвалифицированной труппой которого возвышалась гигантская фигура Яна Вериха.

Для Вацлава это было естественное прибежище, поскольку Верих воплощал в себе все то, во что верили в семье Гавелов. Ему был присущ просвещенный, умеренно «левый» взгляд на мир, который резко контрастировал с ксенофобными и авторитаристскими тенденциями, ширившимися в предвоенной Европе, а его «Освобожденный театр» был открыт веяниям современного авангарда, прежде всего – немецкого политического кабаре, парижских музыкальных ревю и заокеанского мира джаза и свинга. В своих легендарных импровизациях в просцениуме Восковец с Верихом брали на прицел и подвергали беспощадному осмеянию экономический кризис тридцатых годов, нарастающую угрозу нацизма, неблагоприятные делишки и коррупцию отечественных политиков, знаменитостей, снобов и лицемеров. Созданная ими форма служила образцом и источником вдохновения для чешских сатирических театров и тридцать-сорок лет спустя. В войну, находясь в эмиграции в США, Восковец и Верих продолжали обращаться к радиослушателям как голос свободной Чехословакии, но, вернувшись после войны на родину, обнаружили, что простор для политической сатиры резко сжимается. В 1948 году Восковец навсегда покинул страну и заново выстроил свою карьеру в американском театре и кино¹²⁶, его партнер остался. Когда Гавел пришел в АВС, Верих уже постепенно превращался в тень своей былой славы, но публика его по-прежнему обожала.

Работа с Верихом позволила молодому Гавелу «припасть к истокам» традиции театра чешского довоенного авангарда, тогда как с большой классической драматургией он соприкоснулся благодаря своему участию в другой постановке в Пражском городском театре. Альфред Радок, когда Гавел с ним познакомился, был на пике своих творческих сил, уже известный как режиссер «Осеннего сада» Лилиан Хеллман, «Женитьбы» Гоголя и «Игры любви и смерти» Роллана. Гавел стал его ассистентом при постановке рассказа Чехова «Шведская спичка». Это положило начало его с Радоком дружбе на всю жизнь и ощущению глубокого внутреннего родства с Чеховым.

Как Гавел несколько раз отмечает в своем разборе работы этого режиссера¹²⁷, Радок был неким чешским аналогом Константина Станиславского с его режиссерским методом. Свои постановки он создавал в постоянном, нередко остром диалоге с актерами, призывая их отбросить профессиональные приемы и высвободить свою внутреннюю сущность.

Хотя собственная абсурдистская драматургия Гавела неизбежно подсказывала ему несколько иной стиль постановок и работы с актерами, он был стойким приверженцем идеи театра как ни к чему не сводимой формы жизни, а не просто ее копирования или отражения.

---

¹²⁶ Так, например, он создал незабываемый образ присяжного-иммигранта в «Двенадцати разгневанных мужчинах» Сидни Люмета.

¹²⁷ «Несколько заметок по следам “Шведской спички”» (1962), переработано под названием «Работа Радока с актерами» (1963) // Spisy. Sv. 3. S. 416–461, 571–588.

Сохранил он и искреннюю привязанность к Радоку, который стал для него отцом в мире литературы и театра. Это отношение хорошо видно по переписке, которую они вели в семидесятые годы прошлого века, после того как Радок, чья карьера в коммунистической Чехословакии представляла собой череду попеременных успехов, запретов и реабилитаций, эмигрировал вместе с семьей в Швецию.

Верих и Радок задавали направление первых шагов Гавела в театре, однако его честолюбие выходило за рамки простого ассистирования режиссерам или перестановки кулис. Обеспечение бесперебойного хода налаженного театра, основой которого были «звездные» актеры, не давало ему достаточного простора для развития. Но все равно театр АВС и работа с Радоком стали важным рубежом в жизни Гавела, так как он бесповоротно «заразился» театром. Тогда он понял, что «театр не обязан являть собой “фабрику спектаклей” или простую сумму пьесы, режиссера, актеров, билетерш и зрителей, но способен на большее: быть неугасимым очагом духовности, местом общественного самоосознания людей, центром силовых линий эпохи и ее сейсмографом, средством человеческого освобождения и прибежищем свободы»¹²⁸. Понял он и то, что такой театр придется искать в другом месте, тем более что Верих уходил из АВС. Когда он в конце сезона прощался с труппой, оркестр театра под управлением Карела Влаха исполнил в честь его и давнего его партнера песню «Верих – осел, а Восковец – старый дурак»¹²⁹. Так закончилась целая эра.

Но новая, к счастью для Гавела, уже рождалась, причем всего в паре домов оттуда. Не в последний раз в его жизни случилось так, что перемену в ней вызвали не литература или театр, а музыка, точнее сказать, рок-н-ролл. Из-за подрывного ритма с акцентом на четные доли, двусмысленных текстов, бесстыдных танцевальных па и облегающих нарядов рок-н-ролл едва ли мог рассчитывать на теплый прием, когда он с некоторым опозданием проник в Чехословакию. Он не только казался антиобщественным, что само по себе было плохо, – он заявился из Америки, что было еще хуже. (Мысль, что антиобщественная направленность могла в какой-то мере оправдывать его американское происхождение, была для комиссаров от культуры слишком сложна.)

«Акорд Клуб», одна из свежесформировавшихся рок-н-рольных групп, выступавшая в музыкальном клубе «Редута» (где более тридцати лет спустя Гавел сопровождал игру Билла Клинтона на саксофоне, в целом попадая в такт), разбавила эту музыкальную контрабанду простенькими сценками и монологами, преподнося все это как музыкальный театр. Это удавалось благодаря двум исключительным талантам: Ивану Выходилу, специалисту по клинической психологии, который писал или, скорее, импровизировал большую часть театральных вставок, и художнику Иржи Сухому, который создавал оригинальные, остроумные поэтические тексты на многие из американских мелодий. На волне популярности и восторга зрителей из этого небольшого ядрышка выросли десятки «малых» театров, которые на фоне подобного же расцвета литературы, изобразительного искусства и кино до неузнаваемости изменили культурный ландшафт Чехословакии шестидесятых годов.

Как и при каждом «большом взрыве», период полураспада едва родившихся созвездий был очень короток; они постоянно развивались, преображались и множились. У «Редуты» были два прямых потомка, которые, в свою очередь, дали жизнь целому ряду других начинаний. Иржи Сухий в итоге остановился на музыке и поэзии и вместе со своим новым партнером Иржи Шлитром, юристом, композитором и художником в одном лице, создал звездный дуэт в «Семафоре», театре, которым в Чехословакии шестидесятых годов восхищалась, наверное, вся молодежь. Но до этого Сухий недолго поучаствовал в рождении еще одного театрального проекта.

¹²⁸ D álkový výsledek // Spisy. Sv. 4. S. 738.

¹²⁹ Erml R., Kerbr J. «Krásná doba mého života», rozhovor s Václavem Havlem // Divadelní noviny. № 1–2. 2004.

В ста метрах от оживленной набережной Сметаны находится маленький оазис покоя – неправильной формы площадь, именуемая Анненской по монастырю святой Анны, что располагался когда-то в ансамбле церковных зданий на восточной ее стороне. Церковь, которую, по преданию, построил сам святой Вацлав и которая первоначально была названа в его честь, много раз перестраивалась, на протяжении последних двухсот лет не использовалась и приходила в запустение, пока в 1997–2004 годах Вацлав и Дагмар Гавелы, демонстрируя очередной пример святовацлавской мистики, не превратили ее в «Пражский перекресток»¹³⁰. Именно там, на Анненской площади, в 1958 году, когда Гавел еще тосковал в полку саперов, группа театральных деятелей во главе с Сухим и Выскочилом сумела разместить в доме на ее западной стороне театр, названный «На Забрадли». Сухий вскоре ушел оттуда создавать «Семафор», а театр «На Забрадли» под руководством Выскочила вступил на путь интеллектуального эксперимента. Впрочем, грань между театрами была не слишком значительной, так что они часто и обильно «опыляли» друг друга.

Рабочего сцены, которого молния театрального просвещения поразила еще в АВС, это вторжение варваров завораживало. Не умея пока представить себе, как самому делать такой театр, он с «гордыней молодости»¹³¹ принялся писать в журналы, посвященные культуре и театру, статьи о Верихе и Горничке, о движении «малых» театров и на другие темы, чем снижал себе репутацию внимательного и благожелательного критика. Попробовал он себя и в драматургии – дебютировал одноактной пьесой «Семейный вечер» (1960), черной комедией в духе Ионеско о раскладывающей пасьянс маразматичке-бабушке, о примитивных супругах, которые перекидываются между собой бессодержательными репликами, о прагматичных дочери и зяте и о попугае, который с самого начала мертв, но никто не дает себе труда похоронить его или выбросить. Уже тогда наметившийся угол зрения Гавела и характерная для него позднее тема безликих персонажей ярко проявляется в конце пьесы, когда приходят рабочие сцены, единственные во всей постановке конструктивно действующие лица, выносят за кулисы реквизит: спящую семью, мертвого попугая и все прочее – и раскладываются¹³².

¹³⁰ «Пражский перекресток» – место для проведения различных мероприятий, концертов, конференций и т. д. Деньги от аренды помещений идут на поддержание в должном состоянии старинных церковных зданий. – *Прим. пер.*

¹³¹ Erml R., Kerbr J. «Krásná doba mého života», rozhovor s Václavem Havlem // *Divadelní noviny*. № 1–2. 2004.

¹³² Пьеса, которая в наши дни представляет разве лишь исторический интерес, опубликованная в собрании сочинений Гавела (*Spisy*. Sv. 2. S. 7–35), в 2000 г. была поставлена в театре «На Виноградах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.